

Виктория Александер

Список
женихов

Виктория Александер
Список женихов
Серия «Эффингтоны-Шелтоны», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122466

Список женихов:
ISBN 5-17-009483-3

Аннотация

Молодой красавице вдове, вынужденной вступить в новый брак, чтобы получить огромное наследство, совсем не хочется выходить замуж по-настоящему. Не лучше ли выбрать супруга фиктивного из целого списка лондонских аристократов?

Но «идеальный кандидат» вовсе не намерен довольствоваться иллюзией брака с женщиной, о которой мечтает день и ночь. Сможет ли она противостоять властной силе его неподдельной страсти?

Содержание

Список возможных женихов	4
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	30
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктория Александер

Список женихов

Список возможных женихов
(составлен лордом Уэстоном и
лордом Каммингсом и дополнен
примечаниями леди Джиллиан Марли)

ГрафШелбрук – почти красив, но вполне порядочен

ВиконтРейнолдс – неисправимый игрок, и, что самое худшее, неудачливый

МаркизДанстейбл – достаточно приятен, но, имея девятерых детей, больше нуждается в гувернантке, чем в жене

ЛордТайндейл – весьма красноречив при очень малом количестве зубов

БаронРейт – очаровательный джентльмен, однако прожитые годы оставили на нем неизгладимый след

ЛордКлевис – отличный танцор, вопреки избытку веса, от которого сотрясаются стены любого дома, едва он ступит в него ногой

ЛордРанли – элегантен на вид, но ума не больше, чем у барана

ЛордХаркин – маленький, лысый и даже не догадывается о своем сходстве с облезлым кроликом

Глава 1

Весна, 1818 г.

Куда же подевался этот человек?

Леди Джиллиан Марли подавила желание ринуться к входной двери, распахнуть ее и пуститься на его поиски по улицам Лондона.

Что, если он вообще не придет?

При мысли об этом у леди Джиллиан даже слегка заныл затылок, но она не допустила, чтобы ее хорошо отработанная приветливая улыбка превратилась в гримасу. Наоборот, она двинулась по комнате с безмятежным видом, уверенная в себе, как и полагается хозяйке светского салона, которой приходится решать нелегкую задачу – как превратить людей с совершенно различными интересами в единое сообщество.

Нынешним вечером у нее в гостиной собралось человек двадцать. В одном углу несколько членов парламента дружески обсуждали какую-то туманную проблему законодательства, в другом – гости разбирали по косточкам новейшее произведение восходящего светила поэзии, а у стены, увешанной картинами, любители живописи обменивались мнениями о недавней выставке.

Искусство Джиллиан как хозяйки дома в таких случаях было непревзойденным, а репутация мастерицы устраивать подобные вечера – несравненной. Сегодня она, как всегда, являла собой воплощение гостеприимства, самообладания и понимания.

Ни один из гостей не заподозрил бы, что каждый ее нерв натянут как струна, даже самый зоркий наблюдатель не мог бы себе представить, какая тяжесть лежит у нее на сердце и что ей приходится до предела напрягать всю силу воли, чтобы не впасть в отчаяние.

Где же Шелбрук?

Джиллиан снова бросила взгляд на дверь, что проделывала каждые пять минут с того самого времени, как начали собираться гости. Он должен был появиться еще полчаса назад. Разумеется, нет ничего необыкновенного в том, что кто-то из приглашенных запаздывает, но сегодня единственный гость, которого Джиллиан хотела видеть, единственный, чей визит был для нее важен, до сих пор не переступил порог ее гостиной.

Вряд ли Шелбрук переменил намерение. На ее приглашение он откликнулся короткой запиской, безусловно, принимая его, и было бы непростительно с его стороны изменить своему слову. Разве может джентльмен быть столь невоспитанным? Неужели он не знает правил приличия? Ей, пожалуй, не доводилось сталкиваться с кем-либо настолько неучтивым, кто мог бы, приняв приглашение и не приехав, не прислать как минимум извинительное письмо, которое, бесспорно, послужило бы оправданием.

Однако ее недовольство не произведет желаемого эффекта на Шелбрука, поскольку тот ничего не знает о ее намерениях. Джиллиан отправила неприятные мысли и сопровождающие их вспышки раздражения в глубину сознания и переключила внимание на гостей. Она с должной обязательностью переходила от группы к группе, роняя замечание то тут, то там. В другой вечер она с удовольствием приняла бы участие в какой-нибудь из дискуссий, но сегодня совершенно не могла сосредоточиться. Задержавшись возле нескольких человек, собравшихся у новой картины, присланной ее братом Томасом, она вполуха прислушалась.

– ...но, сэр Эдмонд, вы же не считаете, что произведение искусства полностью лишено достоинств, если не содержит изображения человеческих фигур?

Сэр Эдмонд, коллекционер, известный скорее экстравагантностью суждений, нежели тонким вкусом, самоуверенно возразил говорившему, довольно известному критику:

– Согласитесь, мистер Аддисон, что если на полотне отсутствует человеческая натура, то перед нами не более чем красивая картинка. Вот почему великое искусство изображает именно людей в значительные моменты истории.

– А разве есть что-то дурное в просто красивой картине? – слышался у Джиллиан за спиной полный иронии голос.

Она резко обернулась. Ричард Шелтон, граф Шелбрук, стоял, заложив руки за спину, и сосредоточенно и вдумчиво рассматривал картину. Сердце у Джиллиан так и подпрыгнуло.

Перед ней был человек, последние дни владевший ее мыслями. Она никогда не стояла рядом с ним на таком близком расстоянии. Он по меньшей мере на шесть дюймов выше ее, темные брови сдвинуты. Волосы темно-каштановые, кудрявые, непослушные и немного длинноваты, словно Шелбрук забыл подстричься или не придавал этому значения. Быть может, ему не по карману камердинер?

Сэр Эдмонд прищурился, как будто поверить не мог, что какой-то незнакомец, только что появившийся в гостиной, осмеливается оспаривать его мнение.

– Живопись вне человеческого аспекта лишена чувства. В ней нет души.

– Чепуха! – раздраженно фыркнул мистер Аддисон. – Как вы можете смотреть на этот пейзаж и утверждать, что в нем нет души? Ведь мы почти ощущаем свежий запах травы и веяние ветра, который гонит облака по небу.

– Мне кажется, что живопись выражает не душу человека, но душу Бога, – негромко заметил лорд Шелбрук.

– Душу Бога? – Сэр Эдмонд побагровел. – Какое богохульство...

– Какая пронизательность! – со смехом перебил его мистер Аддисон. – Простите, но мы, кажется, не знакомы.

– Я только недавно приехал. – Шелбрук обратился к Джиллиан и взял ее руку в свою. – Прошу прощения, леди Джиллиан, за возмутительное опоздание.

Глядя ей прямо в глаза, он поднес ее руку к губам.

Глаза у него были темно-карие, глубокие, завораживающие и впечатляющие; неожиданная мысль промелькнула в голове Джиллиан: а видит ли он душу в ее взгляде, как увидел в картине? Прикосновение его губ было неожиданно теплым и интимным даже здесь, в полной гостей комнате, и странная дрожь пробежала у нее по спине. Она подавила желание рывком высвободить руку, но зато сумела придать своему тону подобающую холодность:

– Вы опоздали, милорд? Я и не заметила!

– В таком случае я приберегу свои извинения до более значительного проступка.

Он отпустил ее руку и выпрямился. Смешливая искорка промелькнула в глазах Шелбрука, но он не улыбнулся. Джиллиан приподняла брови.

– А вы собираетесь совершить и более значительные проступки?

– У меня нет заранее обдуманных намерений на этот счет, миледи.

Шелбрук кивнул и отвернулся от нее, чтобы представиться мистеру Аддисону и прочим участникам спора. Дебаты о достоинствах картины тотчас возобновились, и Джиллиан с досадой ощутила, что ее обществом пренебрегли. Что ж, ее первое впечатление оказалось верным – этот человек определенно невежлив. Впрочем, она была вынуждена признать, что поспешное возвращение Шелбрука к дискуссии о живописи избавило ее от разговора с ним одним, тем более что в данную минуту она не только не знала, что сказать, но даже с чего начать.

Джиллиан пробормотала какую-то более или менее подходящую фразу и удалилась, предпочитая понаблюдать за Шелбруком с безопасного расстояния. Безобидное прикосновение его руки произвело на нее поразительное действие. Но это ведь полный абсурд. Их знакомство – если это можно назвать знакомством – носило мимолетный характер – случайный танец во время ее первого и единственного светского сезона несколько лет назад.

Ее сегодняшняя реакция скорее всего связана с душевной неуравновешенностью по поводу того, что она задумала.

Как он отнесется к ее предложению и к тому, что из него следует? При этой мысли у Джиллиан заняло под ложечкой.

Целый час или около того она следила за тем, как Шелбрук вступает то в один разговор, то в другой. Как она и предполагала, он был весьма умен. Его хорошо аргументированные суждения неизменно оказывались уместными. Он держался в равной степени уверенно, шла ли речь о литературе, политике или искусстве. Ничего не скажешь, граф Ричард производил сильное впечатление! Но даже когда его замечания были остроумными и вызывали смех, сам Шелбрук оставался невозмутим. Джиллиан почему-то более всего удивляло, что Шелбрук главным образом сосредоточен на эмоциях окружающих, а не на том, чтобы обнаружить собственные чувства.

– Я должна признать, леди Джиллиан, – заговорила леди Форестер, присоединяясь к ней у стола с освежающими напитками и закуской, – что лорд Шелбрук весьма интригующая личность.

– Вы так думаете? – рассеянно отозвалась Джиллиан.

– Да. Он восхитительно загадочен!

– Загадочен?

– Разумеется. – Леди Форестер обмахнулась веером. – Он вовсе не прочь высказать свое мнение по разным поводам, но никогда не говорит о себе.

– А зачем ему это делать? – Джиллиан бросила быстрый, но внимательный взгляд на высокую фигуру Шелбрука. – В Лондоне очень мало нераскрытых тайн. Обстоятельства его жизни общеизвестны. Отец Шелбрука промотал состояние семьи, и после его смерти сыну пришлось потратить многие годы, чтобы восстановить потерянное.

– Я считаю, что его скрытность объясняется печальным состоянием его финансовых дел. Такие привлекательные мужчины, как граф, обычно не стараются избегать внимания общества, а этот даже никогда не улыбнется! Я частенько видела его на светских приемах, но он не задерживается на них дольше, чем требуют приличия, и ведет себя так, будто он посторонний наблюдатель. – В глазах леди Форестер вспыхнуло любопытство. – Однако я еще ни разу не видела его на ваших вечерах. Почему вы его пригласили?

Джиллиан небрежно пожала плечами.

– Мне нравится собирать у себя разных людей, и кто-то – не помню кто – сказал, что граф может быть интересным дополнением к обществу.

– Да, у вас я всегда встречала людей очень своеобразных. – Леди Форестер в свою очередь посмотрела на Шелбрука. – Если память мне не изменяет, Шелбрук при жизни отца время от времени только пошаливал. Ну а тот уже был настоящим негодником! Какая жалость, что сын не нуждается в покровительстве! – На губах у леди Форестер появилась игривая улыбка. – Вам не кажется, что у него есть художественные или литературные интересы, которые требуют поддержки?

– Вряд ли, – со смехом ответила Джиллиан.

– Жаль, – со вздохом заключила леди Форестер.

Эта леди, всего лишь годом старше Джиллиан, воображала себя покровительницей искусств и оказывала материальную поддержку нескольким пробивающим себе дорогу художникам и писателям, а те, как утверждали любители посплетничать, возвращали ей долг иной валютой – в области нежных чувств. Джиллиан в душе порадовалась, что Шелбрук не из тех, кто нуждается в чем-то подобном.

Внезапно она перехватила взгляд Шелбрука, обращенный к ней с противоположного конца комнаты; граф слегка приподнял свой бокал, словно давая знать, что ему понятно

направление ее мыслей. Яркий румянец зажегся на щеках Джиллиан; она вежливо кивнула и отвела глаза.

Леди Форестер внимательно на нее посмотрела.

– Вы чересчур долго вдовствуете, дорогая. На основании своего опыта могу вас заверить, что мужчинам, которые неохотно распространяются о себе, на самом деле есть что скрывать. Тайны, если хотите. Чаще всего в этих тайнах ничего особенного нет, они имеют значение только для самих мужчин. Однако секреты всегда нежелательны, а также, – леди Форестер лукаво улыбнулась, – оказывают на непосвященных интригующее действие.

– У всех нас есть свои секреты, леди Форестер. Сомневаюсь, чтобы тайны графа Шелбрука были более интригующи, чем, скажем, мои.

Джиллиан, с улыбкой извинившись перед собеседницей, быстро пересекла комнату и, выйдя в холл, направилась по коридору к лестнице для прислуги, возле которой находились две одинаковые двери. Правая из них предназначалась для поставщиков. Джиллиан отворила левую и оказалась на крохотной террасе, окруженной маленьким, но прекрасно ухоженным садиком, – в милом уединенном уголке, защищенном от посторонних глаз высокой кирпичной стеной.

Вечерний воздух овеял Джиллиан прохладой. Она прислонилась спиной к дверному косяку и, закрыв глаза, запрокинула голову, подставив лицо свежему ветерку, и долго стояла, радуясь приятным ощущениям и стараясь не думать о том, отчего оно пылало.

Господи, она столько лет не краснела! Само собой разумеется, причина этого пожара заключается в самих обстоятельствах, а вовсе не в мужчине, с ними связанном. И все же он так необычно смотрел на нее... Она не могла понять, взволновало ее это или испугало. Пожалуй, и то и другое.

– В комнатах невероятно жарко.

У Джиллиан перехватило дыхание, и она открыла глаза.

Шелбрук, скрестив руки на груди, стоял рядом с ней, прислонившись к противоположному косяку двери.

– Я тоже почувствовал необходимость подышать свежим воздухом.

– Вот как? – бросила Джиллиан.

Он поднял брови.

– Если вы предпочитаете побыть одна...

– Нет. – Голос Джиллиан смягчился. – Вовсе нет. Пожалуйста, извините меня. Я была невыносимо груба. Обычно я не говорю со своими гостями так резко. Тем более с теми, кто впервые попадает в мой дом. – Она улыбнулась. – Хотелось бы верить, что вы находите сегодняшний вечер приятным.

– То, что я увидел, вполне подтверждает то, что мне говорили, а вы, бесспорно, заслуживаете репутации прекрасной хозяйки салона.

– Благодарю вас. – Джиллиан небрежно махнула рукой. – Я люблю, когда гости ведут более или менее содержательные разговоры, а не занимаются сплетнями, как это чаще всего бывает на светских приемах.

– Почему?

– Как я уже сказала, я люблю... – Она запнулась. Пожалуй, уже можно быть с ним откровенной. Откровенность так же важна для нормальных взаимоотношений, как и уважение. Джиллиан немного помедлила. – Я вижу огромное количество потерь в обществе, в котором мы живем. Ценности исчезают не только из-за войны, но и из-за праздности. Умы растрачиваются в разговорах о покрое чьего-то пальто, как будто от этого зависят судьбы мира.

– В самом деле? Однако я не припомню почти ни одного бала или приема, на котором бы не видел вас.

– Вы наблюдательны. – Джиллиан рассмеялась. – Но там я всего лишь гостя. Я не вижу ничего дурного в веселых развлечениях, однако не хочу посвящать им всю жизнь, вот и приглашаю на свои вечера художников и критиков, писателей и ученых, поэтов и политиков. Мужчин, которые думают не только о том, как трудно хорошо завязать галстук.

– А каких вы приглашаете женщин?

Нет ли в его голосе насмешки? Или ей просто показалось?

– Не менее умных, чем мужчины, и способных к проникательным суждениям, облеченным в свободную форму. – Она сдвинула брови. – Это для вас неприемлемо?

– Не вполне. Умные женщины, желающие обо всем судить по-своему, – давнее проклятие моей жизни, – сухо ответил Шелбрук.

Он имеет в виду своих сестер? Если у нее верные сведения, их у него четыре. Или в его жизни есть еще какая-то женщина?

Воцарилось молчание. Джиллиан не приходило в голову ничего такого, что не прозвучало бы банально или глупо. А она ни в малейшей степени не желала бы показаться Шелбруку глупой – слишком много было поставлено на карту.

Свет, падающий из коридора, освещал лишь половину лица Шелбрука, подчеркивая линии его профиля – строгого и немного сурового. И угрожающего? Теперь он смотрел на Джиллиан пристально и неотрывно, и взгляд его, пожалуй, был оценивающим.

– Зачем вы пригласили меня к себе? – вдруг спросил он.

– Зачем? – повторила Джиллиан, потому что вопрос застал ее врасплох. – Вы задаете слишком много вопросов, милорд, – произнесла она с некоторой долей кокетства.

– Только тогда, когда не знаю ответов.

Напряженность интонации подчеркнула смысл слов. Джиллиан мгновенно ощутила, что их разделяет очень малое расстояние и что они здесь совершенно одни. Чувствует ли это и Шелбрук?

– Леди Джиллиан?

Она глубоко-глубоко вздохнула.

– У меня есть для вас деловое предложение.

– Деловое предложение? – протянул он. – По поводу картины?

– Картины? Почему вы так подумали?

Шелбрук пожал плечами:

– Да так, просто пришло в голову. Видимо, в результате спора нынче вечером, не более того. Продолжайте, пожалуйста.

– Мое предложение носит личный характер.

– Вот как? – Шелбрук выпрямился, и это движение приблизило его к Джиллиан на расстояние всего в несколько дюймов. У нее гулко забилося сердце. Голос у него был тихий, а интонация – полной значения, о котором Джиллиан не смела гадать. – Должен признаться, я заинтригован. И насколько личный?

– Исключительно личный. – Внезапное желание увеличить расстояние между ними охватило Джиллиан, и она отступила через порог в коридор. – Но сейчас мы не можем это обсуждать – я слишком надолго оставила без внимания своих гостей. Не будете ли вы так добры задержаться до тех пор, пока все не разъедутся?

– Если вы хотите. – Ответ прозвучал вполне равнодушно. – Хорошо, я останусь.

Джиллиан кивнула, повернулась и быстро пошла по коридору, чувствуя, что Шелбрук провожает ее взглядом. Наблюдает за ней. Вдумчиво и с любопытством. Однако с такого расстояния он не может видеть, что руки у нее дрожат, а лицо снова пылает. Предвкушение встречи смешивалось у Джиллиан со страхом. Ей вдруг захотелось избежать этого разговора, и вместе с тем она понимала, что оставшееся до него время покажется ей вечностью.

Вполне подходящее напоминание о том, что на карту поставлена если не вечность, то целая жизнь.

– Вам в самом деле нравится? – спросил Ричард, не оборачиваясь.

Он слышал, как леди Джиллиан вошла в комнату после того, как пожелала последнему из своих гостей спокойной ночи. Гостей, которые, казалось, никогда не разъедутся. Весь этот бесконечно долгий вечер Шелбрук вынужден был ценой тяжелых усилий скрывать растущее любопытство. Чего хочет от него эта женщина?

– Да, нравится. – Джиллиан подошла к нему и, слегка запрокинув голову, всмотрелась в картину. Напряжение, которое она испытывала во время их первой короткой встречи наедине, исчезло, и теперь она чувствовала себя свободно и раскованно. – Очень нравится.

– Вы говорили, что картину прислал вам брат?

– Да. Это нечто вроде сюрприза. Мы с Томасом никогда не были особенно близки. У старших братьев, которым суждено унаследовать титул – в данном случае титул герцога и связанную с ним огромную ответственность, – особо нет времени для младших сестер. Но мы с братом любим друг друга. – Джиллиан посмотрела на Ричарда примерно с тем же выражением, с каким только что смотрела на картину. – Я полагаю, вы знакомы с Томасом?

– Мы вместе учились в школе, – ответил Ричард так, словно это не имело ни малейшего значения: в данную минуту он был не уверен, хочется ли ему отколотить будущего герцога Роксборо или обнять его. Постаравшись, чтобы голос его звучал как можно непринужденнее, спросил: – Вы знаете художника?

– Я не знакома с ним лично, однако очень много слышала о нем в последнее время. Кажется, этот господин умеет управляться с женщинами не хуже, чем со своей кистью. Судя по имени, он француз.

– Правда?

– Его зовут Этьен Луи Туссен.

– Да, пожалуй, он становится популярным.

– Я хотела бы пригласить его к себе, но он, похоже, настоящий затворник. – Еле заметная улыбка тронула уголки ее губ. – Несмотря на его скандальную репутацию, я не знаю ни одного человека, который был бы с ним лично знаком.

– Даже леди Форестер?

– Даже леди Форестер. – Джиллиан рассмеялась, и этот мелодичный смех эхом отозвался в ушах у Шелбрука. – Как, милорд, я вижу, вы улыбаетесь!

– Неужели? – Ричард широко раскрыл глаза в комическом изумлении. – Как это могло случиться? Должно быть, я на минуту забылся. Приложу все усилия, чтобы такое не повторилось.

– До сих пор я не замечала, чтобы вы улыбались.

– А я не предполагал, что вы меня вообще замечаете.

Очаровательный румянец окрасил щеки Джиллиан, однако она никак не отозвалась на замечание Ричарда и продолжала:

– Леди Форестер считает вас загадочным. Она подозревает, что у вас есть какая-то глубокая, сокровенная тайна.

– Постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы не разочаровать леди Форестер. К тому же я предпочитаю, чтобы во мне видели хранителя сокровенной тайны и ничего не знали об истинных обстоятельствах моей жизни, весьма скучных и обыденных. – Шелбрук снова повернулся к картине. – Кстати, художник, создавший это полотно, безусловно, хранит немало тайн. И все они, несомненно, сокровенные.

– Несомненно. – Джиллиан изучала полотно с критическим видом человека, которому дано отличать хорошее от плохого в искусстве, а Ричард искоса наблюдал за ней. – Здесь

много страсти. Не сдерживаемой ничем. Страсти, порожденной любовью к жизни. Покоряющей. Почти неотразимой. Я полагаю, у этого художника большое будущее.

– Вы так думаете?

Джиллиан задумчиво кивнула. Она на полголовы ниже его ростом, фигура у нее более пышная и соблазнительная, чем ему раньше казалось, но ведь он никогда не стоял рядом с ней. Он познакомился с Джиллиан до того, как она вышла замуж, а тогда она была юной девушкой – только-только со школьной скамьи.

Теперь перед ним женщина в самом расцвете классической английской красоты: золотистые волосы, нежная белая кожа. И женщина умная, что делает ее еще более привлекательной. Женщина, способная привлечь внимание любого мужчины. Даже обладающего сокровенными тайнами.

– Мне понравилось, что вы сказали об этой картине. О душе Бога.

– Я мало разбираюсь в искусстве, – ответил он, пожав плечами.

– Но вы чрезвычайно проницательны.

– Вовсе нет. Я, например, даже отдаленно не в состоянии предположить, в чем может состоять ваше деловое предложение.

Раскованность Джиллиан исчезла в мгновение ока. Подняв голову, она посмотрела Шелбруку прямо в глаза, однако он ясно видел, каких усилий ей стоит набраться смелости, чтобы заговорить.

Набрав побольше воздуха, Джиллиан наконец решилась.

– Мне нужен муж. Я непременно должна выйти замуж в ближайшие два месяца. – Голос ее звучал твердо, взгляд казался уверенным. – Я считаю, что вы мне подходите.

Шелбрук, лишившись дара речи, стоял и смотрел на Джиллиан как потерянный минуту или две, прежде чем выговорить:

– Вы хотите выйти за меня замуж? За меня?

– Да, за вас, – ответила она – правда, уже менее твердым голосом. – Милорд, окажете ли вы мне честь стать моим мужем?

Глава 2

– Вашим мужем?

Абсурдность этого ничем не подготовленного предложения потрясла Шелбрука. Он расхохотался и смеялся долго и громко.

– Здесь нет ничего смешного, – с обидой произнесла Джиллиан. – Я ожидала какой угодно реакции на свое предложение, но только не смеха, милорд.

– Ричард.

Он фыркнул и вытер увлажнившиеся от смеха глаза.

– Ричард?

– Это мое имя. Мужчину, за которого женщина собирается замуж, она должна называть по имени.

Мысль о том, что эта в высшей степени соблазнительная женщина предлагает ему... Шелбрук изо всех сил старался сдержать новый приступ веселья.

– Перестаньте, прошу вас. Я говорю совершенно серьезно. Должна заметить, что ваше поведение меня тревожит. Сначала улыбка, потом смех мужчины, который до сих пор ни в чем подобном не был замечен.

– Я не смеюсь и не улыбаюсь, особенно в обществе, только потому, что не хочу стать добычей женщин, готовых пренебречь состоянием моих финансовых дел в обмен на мой титул. Кроме того, я не столь уж непривлекателен и давно понял, что одного этого достаточно, чтобы завоевать внимание жаждущих выйти замуж особ женского пола. – Он усмехнулся и покачал головой. – Но вы, так сказать, слеплены из другого теста. Я нахожу вашу смелость весьма интригующей.

– Но я...

– И вашу решительность тоже. Притворно робкие, кокетливые ужимки не для вас. Прямо к сути дела! Я восхищен! – Он шагнул к Джиллиан, все еще усмехаясь. – Что во мне привлекло вас, Джиллиан?

– Леди Джиллиан.

Широко раскрыв глаза, она попятилась.

– Джиллиан, – повторил он твердо. – С моей нареченной формальности неуместны.

– Я пока еще не ваша нареченная.

– Но хотите ею стать. – Шелбрук сделал еще шаг. – Причина в моем сдержанном, отчужденном поведении?

– Сейчас вы не выглядите особенно отчужденным, – съязвила Джиллиан и снова попятилась.

– Я на самом деле не такой и никогда таким не был. Леди Форестер права – у меня есть сокровенные тайны. – Он вновь сократил расстояние между ними. Джиллиан попыталась отступить еще немного, но наткнулась на диван. – Мое поведение в обществе – одна из таких тайн.

– Но я вовсе не поэтому...

– Тогда почему, Джиллиан? – Он стоял достаточно близко, чтобы дотронуться до нее, их тела почти соприкасались. – Почему именно я?

Она подняла на него глаза, голубые и ясные. Ни один художник не мог бы изобразить на полотне небеса столь чистые и сияющие! В это мгновение Ричард понял, что в любом случае не отказался бы сделать ее своей женой. Или кем-то подобным.

– Я...

Это был скорее вздох, чем слово. Шелбрук долго смотрел ей в глаза. Словно искра вспыхнула между ними... Ему вдруг захотелось без долгих размышлений заключить Джиллиан в объятия и прижаться губами к ее губам. Что это? Желание?

– Нет!

Джиллиан оттолкнула его и перебежала на другой конец комнаты.

– Ничего подобного не будет!

– Чего именно? – с глубоким вздохом спросил он.

– Вы прекрасно знаете чего. – Она нацелила на Шелбрука указующий перст. – Того самого!

– Но я ничего не сделал.

– Вы хотели сделать!

– Неужели? Вы уверены?

Джиллиан помолчала, пристально глядя на него, потом кивнула:

– Да.

– Очевидно, вы тоже очень наблюдательны. – Он скрестил руки на груди. – Но, Джиллиан, будет чертовски трудно вступить в брак без этого «того самого».

– Наш брак совсем другой.

Джиллиан скопировала позу Шелбрука и сверкнула глазами.

– Что вы разумеете под словами «совсем другой»?

– Вы великолепно понимаете, что я имею в виду. Каждый из нас станет жить своей прежней жизнью. Это будет всего лишь формальный брак.

Шелбрук недоверчиво фыркнул.

– Со мной это не пройдет.

– Но вы самый подходящий кандидат в списке!

– В каком списке?

– В списке возможных мужей.

На лице у Джиллиан появилось выражение неловкости, словно она внезапно осознала не слишком пристойную суть своего предприятия.

– У вас есть список? Это правда?

– Вы получили самые высокие рекомендации, – слабым голосом пролепетала Джиллиан.

– Черт побери!

Шелбрук большими шагами пересек комнату и, остановившись возле стола, с которого еще не убрали бутылки и тарелки, налил себе вина и одним глотком выпил его. Веселость начисто покинула его. Господи, эта женщина говорит всерьез! Мало того, она намерена выбрать мужа тем же способом, каким выбирают портниху или модистку.

– У меня есть бренди, если вы желаете чего-нибудь покрепче, – сочувственно произнесла Джиллиан.

Он не ответил.

– И что обеспечило мне первое место в списке? Я полагаю, что стою на первом месте?

– Разумеется, на первом.

– Почему же? – спросил Ричард, с любопытством глядя на Джиллиан.

– Ну... – Джиллиан обвела комнату глазами, словно надеясь найти ответ, скрытый где-нибудь в темном уголке. – Все известное мне о вас свидетельствует, что вы человек порядочный, с сильным характером, с чувством ответственности и чести и...

– Что далее?

Джиллиан виновато улыбнулась и посмотрела Ричарду в глаза.

– И вам нужны деньги.

– Продолжайте.

– Я унаследовала крупное состояние. Но чтобы получить его, мне необходимо выйти замуж до моего тридцатилетия.

– В течение двух месяцев?

Джиллиан кивнула.

– И насколько велико это состояние? – подозрительно сощурил глаза Шелбрук.

– Очень велико. – Она подошла к нему, взяла у него из руки стакан и, открыв дверцу шкафчика, достала графин с бренди. – Это завещание дальнего родственника из Америки. Оно включает корабли...

– Сколько кораблей?

– Кажется, восемь. – Джиллиан вынула из графина пробку и налила бренди. – А еще там большой участок земли, в Америке, разумеется. – Она вернула пробку на место. – И большая сумма наличными, – закончила она перечень и протянула стакан Шелбруку.

– Какая?

– Шестьсот тысяч фунтов.

Джиллиан быстро глотнула бренди, как нельзя более нуждаясь в подкреплении.

– Шестьсот тысяч... – Ричард подступил к Джиллиан, ловким движением взял у нее стакан и сделал большой глоток, но даже обжигающий вкус превосходного напитка не сразу умерил эффект, произведенный словами Джиллиан. – Шестьсот тысяч...

– Фунтов. – В голосе у Джиллиан прозвучала искушающая нотка, словно она предлагала лакомство маленькому ребенку. – И в качестве моего мужа вы получите половину этих денег.

– По английским законам все это будет моим, – уточнил Шелбрук.

Она покачала головой:

– Но не по моим условиям. Прежде всего я хочу разделить состояние пополам законным порядком и оформить соответствующие документы.

– Так. – Шелбрук явно подбирал подходящие слова. – Вы намерены купить мужа.

– Я не стала бы употреблять подобные выражения. – Джиллиан возмущенно вспыхнула. – Выгода здесь обоюдная. Вы многое выигрываете от такого соглашения: возможность поправить ваше финансовое положение, дать хорошее приданое сестрам. К тому же граф Шелбрук снова займет достойное место в обществе.

– С какой целью?

– Не понимаю вас.

Ричард посмотрел Джиллиан в глаза.

– Как вы считаете, с какой целью мужчина стремится восстановить свое состояние? Вернуть себе доброе имя?

Джиллиан смутилась:

– Но я...

– Он делает это ради того, чтобы оставить детям, своим наследникам, нечто большее, чем безнадежные долги и погубленную репутацию. По условиям предлагаемого вами брака детей быть не может. – Он покачал головой и продолжал: – Я всегда имел намерение рано или поздно жениться. У меня просто не было ни времени, ни возможностей заняться поисками подходящей жены. Если я приму ваше предложение, то вы купите не только мужа, но свободу и будущее. Мою свободу и мое будущее. – Он допил бренди и осторожно поставил стакан на стол. – При таких обстоятельствах я вынужден почтительно отклонить ваше предложение.

Он кивнул, повернулся и направился к двери.

– Подождите! – В голосе Джиллиан звучало отчаяние, и Ричард остановился. – Вы должны понять. Я очень любила мужа и дала себе слово не выходить снова замуж без любви.

Шелбрук молча ждал.

– Но у меня нет времени полюбить. И я не знаю, смогу ли. Не знаю, хочу ли полюбить.

– Я не могу согласиться на брак, предлагаемый вами, Джиллиан.

– Я знаю многих людей, вступивших в брак не по любви, они обзавелись детьми и счастливы вместе. Быть может, вы согласитесь заключить помолвку на ближайшие два месяца...

– А потом?

– Потом... когда мы лучше узнаем друг друга... возможна привязанность...

Он повернулся и внимательно присмотрелся к ней. Кажется, не только у него есть сокровенные тайны.

– Почему вам так хочется заполучить это наследство?

– Неужели вы не понимаете почему?

– Вы – дочь герцога. Эффингтоны – одна из богатейших семей страны. Зачем женщине, занимающей такое положение, даже думать о том, чтобы до конца дней делить ложе с совершенно чужим человеком?

Джиллиан помедлила с ответом, потом заносчиво вздернула подбородок.

– Это очень большое состояние!

– Не для члена семьи Эффингтон.

– Даже для члена семьи Эффингтон. – С минуту она молча смотрела на Шелбрука и огорченно вздохнула. – Вы задаете слишком много вопросов, милорд.

– Вы уже говорили об этом.

– И вынуждена повторить, – огрызнулась она. – Поскольку вы не намерены прекратить это занятие.

Джиллиан открыла графин, наполнила стакан Шелбрука, как следует пригубила и протянула ему. Ричард молча покачал головой. Джиллиан пожала плечами, сделала еще один глоток и поставила стакан на стол.

– Все мы рождаемся с определенными ожиданиями, судьбы наши так или иначе предопределены. Мой брат родился, чтобы стать следующим герцогом Роксборо. Это его судьба, его долг, и к этому его готовили всю жизнь. Мой долг как женщины заключался в том, чтобы выбрать достойного мужа. И я выбрала. – Она скрестила руки на груди и смело встретила взгляд Ричарда. – Только муж мой решил, что его долг – служить королю и родной стране. Он был убит в Испании.

– Сожалею.

– Я тоже, – просто сказала она. – Никто не ожидал, что жизнь его сложится так, он даже не успел унаследовать титул. Я осталась ни с чем. Моя семья дает мне солидное содержание, но я предпочла бы стать независимой. Нет. – Джиллиан стиснула губы, в глазах ее вспыхнула решимость. – Я жажду быть независимой! Я не в силах смириться с мыслью, что я, грубо говоря, бедная родственница, сознание этой несамостоятельности тяготит меня.

Она резко отвернулась от стола и принялась ходить по комнате.

– Имеете ли вы представление о том, каково это – знать, что ты сделала все, чего от тебя ожидали, но твоя жизнь обернулась совершенно неожиданной стороной?

– Самое общее, – пробормотал он.

– И далее, независимо от твоего материального положения, только потому, что ты женщина, у тебя нет подлинной свободы выбора. А женщина без денег в этом мире мало что может сделать. И еще того хуже, она даже не в состоянии помочь другим совершить что-то стоящее. О, разумеется, я могу устраивать свои вечера – подобные развлечения, как вы понимаете, не слишком дороги, могу знакомить художников и писателей с возможными меценатами, но сама я не в состоянии помогать им.

– Как помогает леди Форестер?

Джиллиан умолкла и уставилась на Ричарда. Потом неожиданно расхохоталась:

– Ничего подобного мне и в голову не приходило!

– Слава Богу, – произнес Шелбрук с кривой усмешкой. – Итак, вы хотите стать меценатом?

– Не совсем.

– Тогда кем же?

– Я об этом пока серьезно не задумывалась. Это всего лишь отдаленное намерение. Настолько неопределенное, что не выразишь словами.

– Все же попробуйте.

Шелбрук приблизился к Джиллиан. Запах ее духов, слабо уловимая смесь цветочного аромата и чего-то пряного, пикантного, обволакивал его. Она пристально смотрела на него, словно решая, заслуживает ли он доверия.

– Это нечто неведомое, быть может, нереальное и, как мне кажется, отчасти глупое.

– Мне хорошо знакомы идеи подобного рода... отчасти глупые.

– Возможно, я расскажу вам об этом в свое время. – Озорная улыбка тронула уголки ее губ. – Когда мы поженимся.

Ричард сжал подбородок Джиллиан между большим и указательным пальцами и посмотрел ей прямо в глаза.

– Я не женюсь на женщине, которая не хочет делить со мной постель. Я не буду мужем только на бумаге. Вы понимаете?

– Да, – с трудом сглотнув, ответила она.

– Вот и хорошо. – Ричард в очередной раз подавил желание поцеловать ее, чтобы скрепить их соглашение. А быть может, и судьбы... Он отступил на шаг. – Я скоро извещу вас о своем решении.

Джиллиан медленно кивнула. Взгляд ее стал задумчивым.

Шелбрук вышел из комнаты, из дома, не замедляя шагов до тех пор, пока не прошел по меньшей мере квартал.

Будь он проклят, если понимает, как поступить! Если бы он был настолько разумным, каким всегда считал себя, ему бы следовало немедленно принять предложение Джиллиан. В силу необходимости он человек практичный, и в данном случае промедление – непростительная глупость. Ее предложение – прямой ответ на его молитвы. Он решил бы все свои финансовые проблемы, обеспечил бы собственное будущее и будущее сестер.

К тому же брак с дочерью герцога Роксборо вернул бы уважение к его титулу и к имени его семьи. Разумеется, он и сам в последние несколько лет старался сделать это, однако восстановление чести графов Шелбруков оказалось не менее трудным делом, чем восстановление их материального достояния.

Во имя всего святого, рехнулся он, что ли? Какой упорной и ранее ему самому неизвестной чертой его личности можно объяснить идиотическое безразличие к шестистам тысячам фунтов, по меньшей мере восьми кораблям и большому земельному участку в Америке?

Неужели идея подобного брака сама по себе настолько отвратительна? И по правде говоря, неужели брак этот останется на долгое время лишь формальным? В прошлом ему не составляло особого труда завоевывать привязанность женщин, хотя его манера ухаживать, вероятно, казалась слишком старомодной. Когда они с Джиллиан поженились, он наверняка добьется ее расположения. А может быть, даже любви.

Любовь? Что за несуразная мысль при данных обстоятельствах! Ричард Шелбрук никогда не считал любовь неперенным условием брака. Да и вообще особо не размышлял о любви.

Зато он прекрасно понимал, что такое желание. И в тот момент, когда посмотрел Джиллиан в глаза, понял, что хочет эту женщину. И хотел бы, чтобы и она испытывала то же самое. Им было бы хорошо вместе.

Его удерживало не что иное, как гордость. Дьявольская гордость – вот чем он владел в избытке! Единственная вещь, которую ему не приходится воссоздавать из ничего, единственное качество, которое до сих пор удерживало его от поисков наследницы с внушительным приданым и солидным доходом.

Но и теперь он вовсе не желал, чтобы его покупали, как покупают за внешние стати породистого жеребца. Или как новое произведение искусства, пригодное лишь для показа.

Он хотел бы, чтобы эта женщина вышла за него не только из-за его имени.

Ричард поморщился. Злая ирония судьбы: женщина, которую он некогда считал заслуживающей внимания, сегодня может стать средством его спасения. Он не был уверен, что Джиллиан хоть раз вспомнила тот случай – это было давно и не сыграло никакой роли в ее жизни. Ричард тоже не вспоминал об этом досадном инциденте до сегодняшнего вечера.

Он танцевал с ней на балу во время ее первого сезона в Лондоне – танцевал, несмотря на то что она была уже официально помолвлена. Все в Лондоне знали, что она и ее жених любили друг друга с детских лет. При воспоминании о своих неприличных замечаниях, вызванных безрассудством и большим количеством выпитого вина, Ричарду стало неловко. Точные выражения, к счастью, исчезли из его памяти, но презрения в ее глазах он не забыл.

Она, разумеется, была права: он не стоил ее внимания. Он представлял собой тип законченного мерзавца и следовал по стопам своего отца.

Но теперь он стал другим человеком!

Возможно, поэтому его имя и возглавляет этот ее чертов список.

У него всего два месяца на то, чтобы убедить прелестную леди стать его женой не на бумаге, а фактически. Это нелегко – Джиллиан возвела вокруг своих чувств прочные стены. Нечасто встретишь женщину, которая говорила бы о смерти мужа, пусть и случившейся восемь лет назад, с таким полным отсутствием всяких эмоций, как леди Джиллиан. Какому мужчине удастся разрушить эти барьеры?

Обладая теми безупречными качествами, благодаря которым он попал на первую строчку ее списка, он, пожалуй, смог бы сделать это – с течением времени. Ричард был весьма изощрен в тонком искусстве обольщения – до тех пор, пока обстоятельства не превратили его в мужчину, способного согласиться на предложение Джиллиан. Еще одна насмешка судьбы! Нынешнее существование графа Шелбрука, безусловно, полно иронии.

Жаль, что так мало времени! Ричард предвидел, какие именно сложности возникнут и у него, и у нее в ближайшие дни. Огромное напряжение душевных сил, но ведь и ставка велика!

Обладал бы он более верными шансами, не будучи подходящим кандидатом? Не надежным ни силой характера, ни чувством чести, а одной только страстью?

Страстью, порожденной любовью к жизни. Покоряющей. Почти неотразимой.

Шелбрук вдруг остановился посреди мостовой.

Разве женщины не всегда добиваются мужчин, совершенно для них неподходящих? Не этим ли объясняется удивительная привлекательность вертопрахов и отъявленных негодяев?

Быть может, ключ к сердцу холодной и невозмутимой леди Джиллиан вовсе не в руках у мужчины с теми благородными качествами, какие обеспечили ему первое место в ее списке женихов, – мужчины респектабельного, надежного и солидного, из тех, кого следует выбирать в мужа, но не в любовники?

Быть может, покорить ее сердце сможет совсем не такой мужчина, каким он сам стал сейчас, а такой, каким он был прежде?

Глава 3

– Не могу поверить, что ты это сделала! – Роберт, граф Уэстон, откинулся на спинку обитого парчой кресла, которое он много лет назад объявил своим, и забарабанил пальцами по крышке стола с видом еще более угрюмым, чем обыкновенно. – Ты даже не сочла нужным обсудить это с нами.

Кристофер, виконт Каммингс, скрестив руки на груди, прислонился спиной к каминной полке и смотрел на Джиллиан лишь чуть менее мрачно, нежели Робин.

– И не доставила нам удовольствия присутствовать при вашей беседе. Это могло быть весьма интересно.

– Именно поэтому я и не хотела, чтобы вы присутствовали, – возразила Джиллиан. – Что касается сути проблемы, то я ее уже с вами обсудила. – Она направилась к бюро, рывком выдвинула ящик, достала два листка бумаги и помахала ими. – Вот ваш совет.

Мужчины переглянулись, и Джиллиан недовольно сдвинула брови. В другое время эти молчаливые переговоры позабавили бы ее. Но сегодня она была не склонна ожидать от друзей детства ничего иного, кроме безоговорочной преданности и твердой поддержки.

– Мы не могли предположить, что ты затеяла это всерьез, – пробурчал Кит.

– Если бы я не думала об этом всерьез, зачем бы я стала просить каждого из вас снабдить меня списком потенциальных мужей?

Кит снова обменялся с Робинем быстрыми взглядами. И было в этих взглядах нечто, что заставило Джиллиан по-иному оценить их помощь.

– Бог мой, мне бы следовало сразу понять! – Она посмотрела на листки у себя в руке. – Это была шутка? Розыгрыш?

Кит неловко заерзал.

Робин ответил, пряча глаза:

– Не вполне, но...

– Теперь мне все ясно. – Джиллиан переводила взгляд с изящного почерка Робина на с трудом читаемые каракули Кита. – А я-то удивлялась, с какой стати вы из всех мужчин в Лондоне выбрали именно этих.

– А чего ты еще ожидала? – раздраженно спросил Робин. – Нам не понравилась твоя идея. К тому же, говоря откровенно, найти подходящего тебе кандидата в мужья очень нелегко.

– Это тебе не в «Таттерсоллз»¹ отправиться и выбрать лошадку подходящих кровей, – поддержал Робина Кит.

– Кроме того, мы до сих пор не рассматривали мужчин с точки зрения их пригодности к двойной упряжке.

– Уму непостижимо, кого вы включили в список! – сердито воскликнула Джиллиан. – Чего стоит один виконт Рейнолдс, широко известный за игорными столами...

– И поэтому он постоянно нуждается в деньгах, – с самодовольной ухмылкой перебил ее Кит. – Прекрасная кандидатура!

– Но не для меня. – Джиллиан снова обратилась к списку. – У маркиза Данстейбла девять человек детей...

– И ему необходима жена, – назидательно произнес Робин.

– Ему нужна гувернантка, – фыркнула Джиллиан. – Наследник у него уже есть.

– Так, понятно. – Робин откашлялся. – А ты обдумывала эту проблему, Джиллиан? Возможность иметь детей?

¹ «Таттерсоллз» – лондонский аукцион чистокровных лошадей. – Здесь и далее примеч. пер.

– Уверяю тебя, что это главный предмет моих размышлений, – еле слышно произнесла она.

– В таком случае...

– Но вовсе не тот, который я хотела бы обсуждать сейчас. А намерена поговорить я вот о чем, – сказала Джиллиан, вчитываясь в текст списка и неодобрительно качая головой. – Взгляните на другие имена. Один слишком стар, другой слишком толст! Я не потерплю мужа, единственную страсть которого составляет еда. Так, вот у этого подмоченная репутация, а я не желаю перевоспитывать кутилу.

– Постой, но ведь не все же они такие. – Робин встал, подошел к Джиллиан и взял у нее список. – Чем, например, нехорош лорд Ранли?

Джиллиан подняла глаза к потолку.

– Он полный идиот. Господь вложил в его голову не больше разума, чем барану.

– А лорд Харкин?

Джиллиан посмотрела на Робина с недоверием.

– Он едва достаёт мне головой до подбородка. К тому же если уж мне суждено всю жизнь созерцать макушку мужа, то я предпочла бы видеть на ней волосы.

– Но это же мелочь, – пожал плечами Кит.

– Ты не мужа ищешь, – добавил Робин. – Ты ищешь святого.

– Святого, которому нужны деньги! – Джиллиан скрестила руки на груди. – Шелбрук вполне подходит.

– Даже если он и не вертопрах, каким был когда-то, то уж далеко не святой, – возразил Робин.

– Скорее он похож на раскаявшегося грешника. Это же неестественно, что его больше никогда не видят за игорным столом. Долгие годы его имя не связывают ни с одной женщиной. Я часто вижу его на светских приемах, но он держится очень замкнуто. Его унылая физиономия и отрешенный взгляд напоминают мне о многострадальных поэтах, которыми ты, Джиллиан, постоянно окружаешь себя. – Кит сощурил глаза с таким видом, словно последнего факта было бы достаточно, чтобы предать мужчину анафеме. – Ему нельзя доверять.

– Он вовсе не такой отрешенный, как ты думаешь, – тихо произнесла Джиллиан. – Кстати, если он так не по душе вам обоим, зачем вы его включили в список?

– Я не знал, что он есть в списке у Робина, – поспешил сказать Кит.

Робин бросил на него недовольный взгляд.

– У меня не было ни одного хоть мало-мальски подходящего имени.

– Вот как? Значит, ты выбирал мужчин из числа толстых, старых и глупых и полагал, что это приемлемые кандидаты?

– Я считал, что никто из них не годится, – сказал Робин.

– Включая и Шелбрука. – Кит покачал головой. – Кто в здравом уме мог подумать, что ты предложишь мужчине жениться на тебе?

– Но ведь речь идет не о любви, – с печальным вздохом сказала Джиллиан. – Это всего лишь соглашение, не более того. Брак просто позволит довести дело до конца.

– То есть получить огромную сумму. – Робин посмотрел на Джиллиан очень внимательно. – Признаться, я разочарован. Никогда бы не подумал, что ты поддашься подобному искушению!

– В таком случае ты во мне ошибался, – немного резким тоном ответила Джиллиан – сказалось напряжение последних дней, и она с трудом держала себя в руках.

Прошла всего неделя с тех пор, как поверенный ее двоюродного деда явился к ней с известием о наследстве. Джиллиан никогда не видела Джаспера Эффингтона, младшего

из трех братьев ее дедушки. Все трое покинули Англию задолго до рождения родителей Джиллиан, намереваясь разбогатеть в Америке, и это им удалось.

Два старших брата обзавелись семьями, которые и унаследовали их состояния. Жена Джаспера умерла бездетной, и второй раз он не женился. Джиллиан не знала подробностей его жизни. По словам поверенного, Джаспер пожелал, чтобы его огромное состояние перешло к ней, прекрасно понимая, что младшему из детей, а тем более женщине, особо не на что рассчитывать.

Однако Джаспер не был настолько великодушен, чтобы оставить наследство незамужней женщине, даже вдове. В завещание было включено условие, что Джиллиан должна к тридцатому дню своего рождения выйти замуж.

– Сомневаюсь, что Чарлз одобрил бы это, – сказал Кит.

Робин бросил на него выразительный взгляд.

– Чарлз предпочел бы, чтобы она сама распоряжалась своей жизнью.

– Я так и делаю, – сказала Джиллиан, однако при воспоминании об утраченном счастье острая печаль пронзила ей сердце.

Чарлз, Кит, Робин и она росли вместе и крепко подружились еще до того, как поняли разницу между мальчиками и девочками и их участием в жизни. Связи, сложившиеся в детстве, сохранились до сих пор, но Робин и Кит были ее самыми близкими друзьями, а Чарлз завладел ее сердцем. Они поженились после ее первого лондонского сезона, и радость совместной жизни так запечатлелась у Джиллиан в памяти, что ни один мужчина с тех пор не вызывал у нее серьезного интереса.

Джиллиан до сих пор глубоко и остро сожалела, что не смогла отговорить Чарлза от решения купить офицерский чин в армии, но оба они были молоды и убеждены в своей неуязвимости. К ее бесконечному отчаянию, они ошиблись.

– Я сама распоряжаюсь своей жизнью, – повторила Джиллиан, точно не зная, кого она хочет убедить.

– Чарлзу едва ли пришло бы в голову, что ты можешь выйти замуж за такого человека, как Шелбрук, – настойчиво проговорил Кит.

– Мы знаем, что он предпочел бы.

Робин сделал паузу, потом кивнул Киту, который вздохнул и с видимой неохотой подошел к другу. Мужчины уставились на Джиллиан с таким видом, словно ожидали смертной казни, а она была палачом.

– Чарлз хотел бы, чтобы один из нас сделал шаг вперед, – с глубоким вздохом изрек Робин.

– Смело. – Кит расправил плечи. – И невзирая на обстоятельства.

– Обстоятельства? – Джиллиан смотрела на них во все глаза и старалась не расхохотаться: оба выглядели такими... такими... покорными.

– Вот именно. – Робин вздернул подбородок. – Законный брак.

– Неразрывные узы, – выдохнул Кит. – На всю жизнь.

Какое-то мгновение Джиллиан раздумывала, уж не предложить ли одному из них выбрать ужасную судьбу, на которую, как они свято верили, она намеревалась обречь свою жертву. Но ведь эти двое – ее самые близкие, любимые друзья...

– Я вовсе не требую, чтобы один из вас на мне женился.

На лицах обоих мужчин появилось выражение, сходное с тем, какое, должно быть, бывает у получивших помилование за минуту до казни. Они были так предсказуемы и зачастую здорово докучали Джиллиан, но она любила их как братьев – по правде сказать, Робин и Кит были ей даже ближе, чем родной брат. Их радостные физиономии вызвали у Джиллиан искреннюю улыбку, и настроение ее значительно улучшилось.

– Это достаточно сложно хотя бы потому, что одному из вас пришлось бы устраниваться. И потом, как мне решить, кого выбрать?

Робин выступил вперед с самым серьезным видом.

– И все же мы готовы сделать это, Джиллиан. Если ты этого хочешь. Каждый из нас.

– Только не я! При одном только виде алтаря я утратил бы рассудок. – Кит затряс головой. – Я очень люблю тебя, Джиллиан, и всегда буду любить, но даже ради тебя я по доброй воле не...

– Кит, замолчи, пока я не покраснела от твоих льстивых заверений, – сухо прервала его излияния Джиллиан.

– Ясно. – Кит кивнул Робину. – Как раз потому я и не мог бы. – Достаточно скверно находиться сейчас рядом с ней – все равно что иметь властолюбивую сестрицу, которая то и дело приказывает тебе поправить галстук, требует, чтобы ты хорошо вел себя за столом и танцевал с женщинами, похожими на лошадь. – Пока еще я в крайнем случае могу сбежать в свой собственный дом.

– Но у тебя нет сестры, – нахмурился Робин.

– Я в ней и не нуждаюсь. У меня есть Джиллиан.

– Ну, мы ее навсегда лишимся, если она осуществит свой нелепый замысел. Шелбрук не принадлежит к тому типу мужчин, которые склонны позволять жене весело проводить время в обществе двух холостяков, независимо от того, сколько времени они с ней были друзьями.

– Чепуха, Робин, – произнесла Джиллиан, в глубине души будучи совершенно в этом не убеждена. – Мое замужество ни на йоту не изменит наших отношений.

– Посмотрим, – раздумчиво протянул Робин. – Я не знаю его лично, мне известна лишь его репутация, и я полагаю, что он скорее всего человек порядочный. Определенно не такой бездельник, каким был его отец.

– Он вечно ходит в поношенной одежде, – сообщил Кит таким тоном, словно одно это великий грех, не заслуживающий прощения.

Джиллиан и сама это заметила, но считала, что такая черта скорее свидетельствует в пользу Шелбрука. Он явно не растрачивал свои небольшие доходы на себя.

– Ясно, что Шелбрук даст согласие на этот брак, – сказал Робин.

– Он не дал согласия, – поспешила возразить Джиллиан. – Во всяком случае, пока не дал.

– Я уверен, что даст, – мрачно заявил Кит.

– Однако... – снова заговорил Робин, предварительно бросив гневный взгляд на Кита, который в ответ только передернул плечами, – однако я никак не возьму в толк, почему ты, Джиллиан, готова на любые неприятности, чтобы заполучить это наследство.

– Это очень большие деньги, – ответила она вызывающе, понимая, что объяснение звучит сегодня не многим убедительнее, чем вчера вечером.

Робин и Кит смотрели на нее выжидательно, а Джиллиан хотелось только одного: отколлотить их хорошенько, как она не раз делала в детстве.

– Только вы двое могли бы меня понять, как никто другой. Должна сказать, что я разочарована. – Джиллиан стиснула руки и усилием воли постаралась говорить спокойно. Она была не готова сообщить старым друзьям, что за ее планом скрывается не что иное, как желание независимости. Главным образом потому, что план этот перед ней самой вырисовывался весьма туманно и, при детальном рассмотрении, пожалуй, казался глупым. – У вас не вызвало бы недоумения желание мужчины добиться финансовой независимости. Почему же вы не можете понять меня?

– Потому что мы тебя знаем, – многозначительно ответил Кит. – Ты никогда не скрывала своего мнения о тех, кто вступал в брак только ради денег, титулов или карьеры.

– И ты вышла замуж за Чарлза, потому что любила его, – подхватил Робин. – Да и всегда говорила, что если и выйдешь замуж снова, так только по любви.

– Обстоятельства вынудили меня изменить свою позицию.

– Не думаю, что твоя семья одобрит это, – сказал Робин, в упор глядя на Джиллиан. – А что говорит Томас об этом драконовском условии завещания?

– Он о нем не знает. Ни один из членов моей семьи не знает. И не узнает в дальнейшем. – Джиллиан ответила Робину не менее твердым взглядом. – Ты об этом ни слова никому не скажешь. И ты тоже, – обратилась она к Киту. – Если мы с Шелбруком достигнем соглашения, я предпочту, чтобы все, включая и членов семьи Эффингтон, считали, что брак заключен не по какой-либо иной причине, а исключительно...

– По любви? – договорил за нее Кит с откровенной насмешкой.

– По взаимной привязанности, – непререкаемым тоном заявила Джиллиан. – Или по иной не менее важной причине, из-за которой люди вступают в брак.

– Я обещаю молчать, но вплоть до самой свадьбы не премину считать, что твое решение безрассудно, – сказал Робин. – Запомни мои слова, Джиллиан: ты об этом пожалеешь.

– Возможно, но пожалею в приятном состоянии финансовой свободы, – с веселой улыбкой возразила Джиллиан. – Впрочем, довольно об этом. Поскольку вы упомянули Томаса, пойдем посмотрим, какой пейзаж он мне прислал. Он никогда особенно не разбирался в искусстве, но эта вещь просто великолепна!

С этими словами она направилась через комнату к картине. Робин и Кит послушно пошли за Джиллиан и наперебой принялись высказывать свое одобрение. Полотно и в самом деле было замечательным – идиллическое изображение сельской Англии, исполненное в приглушенных зеленых тонах с яркими проблесками золотого солнечного света. Картина, полная жизни, – художник, без сомнения, вложил в свое творение сердце и душу.

«Можно сказать, что живопись выражает не душу человека, но душу Бога», – пронеслось внезапно в голове Джиллиан.

Дрожь пробежала у нее по спине, и она непроизвольно смяла листки, которые держала в руке.

– Ты скверно выглядишь. – Томас Эффингтон, маркиз Хелмсли, удобно расположился в старом, потертом кресле, небрежно вертя в руках стакан с бренди. – Снова всю ночь работал?

– Да нет, – рассеянно ответил Ричард и нанес на холст почти микроскопический лазурно-голубой мазок. – Я немного подремал перед рассветом.

– И вернулся к мольберту с восходом солнца.

– Угу.

Ричард отступил назад и критическим взором окинул полотно.

– Ты чертовски много работаешь.

– У меня нет выбора, – пробормотал Ричард. – Я должен это закончить.

То была в лучшем случае полуправда. Он, разумеется, хотел закончить картину: чем скорее она попадет в руки торговца, тем скорее будет оплачена. Еще полудюжина неоконченных работ требовала завершения. Кроме того, работа неизменно улучшала его способности думать логически.

Томас подавил вздох сожаления.

– Я все-таки до сих пор не пойму, почему ты настаиваешь на сохранении инкогнито. Ты мог бы войти в моду.

– Весьма тебе признателен, но я предпочитаю, чтобы граф Шелбрук не стал *pet du jour*². – Ричард взял намоченную в скипидаре тряпку и вытер ею кисть. – К тому же, судя

² Здесь: писк моды (фр.).

по твоим словам и по тому, что я слышал от других, а также по высоким ценам, которые начинают давать за мои картины, успех уже достигнут.

– Вероятно, однако это не твой успех, – назидательно проговорил Томас. – Художника, обретающего растущую славу, зовут Этьен Луи Туссен.

– К вашим услугам, милорд.

Ричард сделал театральный поклон.

– Если бы публика узнала, что Туссен на самом деле граф...

– Тогда бы все пропало, – перебил Томаса Ричард и бросил кисть и тряпку на исцарапанный, покрытый пятнами разноцветных красок стол. – Мы с тобой уже спорили на эту тему ранее, и мои взгляды не изменились. Более того, мое желание сохранить свое подлинное имя в тайне только укрепилось.

На лице Томаса появилось хорошо знакомое Ричарду упрямое выражение – он явно намеревался продолжить спор.

– Но послушай, теперь, когда произведения Туссена так хорошо продаются...

– ...тем больше причин хранить секрет, – спокойно завершил фразу приятеля Ричард. – Ну посуди сам, Томас. Задумайся хоть на минуту. Графы играют в карты. Графы охотятся. Графы скачут верхом. Графы пускают на ветер семейные состояния и теряют доброе имя, и в свете никто не придает этому ни малейшего значения. Однако графам не положено заниматься каким-либо делом с целью честно зарабатывать на жизнь, не положено эмигрировать в нецивилизованные страны в погоне за удачей. И ни при каких обстоятельствах им нельзя становиться у мольберта. Это занятие для девочек, пока они учатся в школе, или для пожилых особ женского пола, если им надо убить свободное время. – Ричард поднял брови. – Общество относится к подобной деятельности графов точно так же, как к сочинению стихов маркизами.

– Я ничего не публиковал, – пробормотал Томас и неловко поерзал в кресле.

– И ты никому не рассказывал о своих попытках, не так ли? – рассмеялся Ричард.

– Да, но мои творения не идут ни в какое сравнение с твоими картинами.

– Да ну? Что ты имеешь в виду?

Томас приподнял стакан в шутовском приветствии.

– Твои произведения совершенны. А мои стихи – сплошная чепуха.

Ричард снова рассмеялся, но не стал возражать. Томас пописывал стишки со школьной скамьи, но, несмотря на все усилия, так и не создал за эти годы ничего значительного.

– Если бы мои стихи чего-то стоили, я не замедлил бы выкрикивать их, стоя на крыше.

– Да, но ты маркиз и наследник титула герцогов Роксборо, все деньги и влияние семьи Эффингтон в твоём распоряжении. Ты можешь заниматься чем хочешь. А мне надо восстанавливать имя и репутацию. Я зависим от капризов моды и от своих заработков. Неужели ты всерьез полагаешь, что произведения графа можно продать за ту же цену, что и творения загадочного француза?

– Наверное, нет.

– Здесь не может быть никаких «наверное». Мои работы никем не будут приняты всерьез, если я поставлю под ними собственное имя.

– Твоя гордость вынуждает тебя к молчанию не меньше, чем все остальное.

– Проклятая гордость, – произнес Ричард с горьким смехом. Он мог подшучивать над всем этим наедине с Томасом, но его задевало, что способности, высоко ценимые в неизвестном художнике, в человеке из высшего сословия в лучшем случае будут снисходительно приняты за дилетантство. – Но, знаешь, история, которую мы, а вернее, ты сочинил насчет Этьена Луи, мне очень нравится.

– Признай, что я проделал замечательно тонкую работу. – Томас улыбнулся и сделал плоток бренди. – Не то чтобы это было так уж трудно. Вовремя ввернутое пояснение, уместное замечание, и...

– Voila!³ – Ричард произнес это слово с подчеркнутым французским акцентом. – Перед нами Этьен Луи Туссен, единственный уцелевший отпрыск знатной французской семьи, казненной во время революции. Он был вывезен из страны преданными слугами и теперь проводит дни, занимаясь живописью со страстью, свойственной его предкам, а ночи, ах, mon ami⁴, его ночи...

– Это был блестящий штрих, – сказал Томас, улыбаясь еще шире.

– В самом деле блестящий! Для человека, которого никто в глаза не видел, репутация прекрасного любовника – истинная удача.

– Благодарю тебя. – Томас пожал плечами с преувеличенной скромностью. – Каждый делает что может. Должен заметить, что все вышло очень забавно. Я смог оценить это, когда подслушал разговор женщин, обсуждающих чары неотразимого Этьена Луи. Жаль, что я не слышу подобных разговоров о графе Шелбруке. Не настало ли время подыскать для тебя подходящую пару?

Знает ли Томас о наследстве Джиллиан и условии его получения?

– Последнее, в чем я нуждаюсь именно теперь, – это еще одна женщина. Сестры, да еще тетюшка... право, вокруг меня более чем достаточно женщин. К тому же подходящую невесту, которая пренебрегла бы моими финансовыми затруднениями, найти нелегко. – Ричард умолк. Если Томас в курсе дела о наследстве, то сейчас самый подходящий случай упомянуть об этом. Но друг молчал, и Ричард заподозрил, что тот ничего не знает о предложении сестры. – Довольно о женщинах, Томас, иди сюда и посмотри.

– У тебя огромный талант, мой друг, – негромко произнес Томас. – Твое мастерство совершенствуется с каждой картиной. Эта вещь чудо как хороша.

– Не просто хороша, а великолепна!

– Твоя скромность так же велика, как и талант.

– Скромность бесполезна, когда живешь, укрывшись в тени другого имени.

– Я хотел бы, чтобы ты позволил мне поговорить с Джиллиан. Она обладает большим влиянием в обществе и никогда не выдаст твою тайну.

Голос Томаса звучал чуточку слишком безразлично. В свете происшедшего накануне вечером Ричард почти забыл о том, что одна из его картин принадлежит теперь Джиллиан, и поддержал разговор с той же деланно безразличной интонацией, как и Томас.

– Ах да, овдовевшая красавица леди Джиллиан. Однако, как я уже говорил, мне нет необходимости осложнять жизнь отношениями с еще одной женщиной, даже если она может быть весьма полезной. Повторяю, я не хочу, чтобы ты посвящал свою сестру в мои дела. Ведь ты уважаешь мои желания, не так ли?

Помолчав, Томас ответил:

– Да... Разумеется.

– Ты не рассказывал сестре о моем творчестве?

– Нет... Никогда.

– И не просил пригласить меня на один из ее вечеров?

– Конечно, нет!

– Значит, не ты посоветовал ей пригласить меня на вчерашний прием.

– Вчерашний? Конечно, нет. – Томас нахмурился. – А ты там был?

– Да, был, но...

³ Ну вот! (фр.)

⁴ мой друг (фр.).

– Она пригласила тебя? И ты пришел. – Лицо у Томаса просияло. – Я считаю, что это большая удача.

– Почему?

– Ну, это очевидно... – Томас помолчал. – А чье имя стояло в билете?

– Графа Шелбрука. Приглашение пришло через моего поверенного.

– Клянусь, что не имел к этому никакого отношения!

– Верю. – Ричард занялся последней кистью, которую следовало очистить, но краем глаза наблюдал за Томасом. – Это был интересный вечер.

– Вот как?

– Обилие увлекательных дискуссий, необычные гости и к тому же одно странное совпадение.

– Да? – с явным смущением произнес Томас.

– Только ты один можешь себе представить мое удивление, когда я обнаружил в гостиной один из своих пейзажей.

– Одну из твоих картин?

– Это, да в придачу неожиданное приглашение на вечер, – ну, тебе, конечно, понятно, что я начал гадать, не раскрыт ли мой секрет.

– Конечно. – На лице у Томаса было написано мрачное предчувствие. – Так и оказалось?

– Вовсе нет. Но я был поражен, услышав сведения, совершенно для меня неожиданные. – Ричард доверительно приблизился к Томасу, словно собирался сообщить ему нечто особо секретное. – Тебе известно, что у леди Джиллиан есть еще брат, помимо тебя?

Вид у Томаса был самый растерянный.

– О чем ты? У Джиллиан нет больше братьев.

– Нет? – Ричард широко раскрыл глаза в ироническом изумлении. – По крайней мере еще один должен быть.

– Откуда?

– Но это же очевидно, старина! – Ричард, выпрямившись, устремил на Томаса пронизывающий взгляд. – Если у нее только один брат, тогда братом, который послал ей мою картину, должен быть ты. А мы оба знаем, что ты никогда не поступил бы против моего желания и не сделал этого.

С минуту Томас стоял молча с видом человека, все еще держащего в руке топор, но отрицающего, что это он срубил дерево, которое лежит у его ног.

– Черт побери, Ричард! – Он одним глотком допил бренди. – Ты бы никогда об этом не узнал, если бы Джиллиан не пригласила тебя в свой салон. Кто мог предвидеть такое?

Ричард приподнял брови, явно ожидая продолжения.

– Так и быть, я покаюсь. – Томас широкими шагами подошел к старому, расшатанному столу, заставленному глиняными кувшинами для красок, заваленному тряпками и прочими атрибутами живописца, и нашел среди всего этого бутылку не особенно хорошего бренди. – Я должен был что-то предпринять. Так больше не могло продолжаться.

– Томас, – угрожающе произнес Ричард, но Томас пренебрег предупреждением.

– Нет, уж на этот раз послушай меня. Ты проводишь целые дни и большинство ночей, занимаясь живописью в этой чертовой дыре...

– Послушай, дыра, конечно, убогая, но не такая уж плохая. Кстати, принадлежит она тебе.

– Ничего хорошего в ней нет! – отрезал Томас. – Когда ты не занимаешься писанием своих картин, то посещаешь какие попало светские приемы просто для того, чтобы выбирать объекты для твоих портретов...

– И эти, как ты выразился, объекты очень даже хорошо платят, – снова перебил приятеля Ричард.

– Само собой, платят они хорошо. Ты пишешь по памяти, в которой примечательным образом не удерживаются слишком длинные носы, пятна на физиономиях или нездоровый цвет лица. – Томас налил себе еще бренди и протянул бутылку Ричарду. – А когда уезжаешь из Лондона, ты творишь в деревне, занимаясь совершенно абсурдными делами вроде того, что помогаешь своим арендаторам убирать урожай...

– В это время года – сеять.

Ричард вынул из стакана несколько тонких кистей, смутно припоминая, что где-то тут у него был другой стакан, вполне приличный, потом бросил их на стол, пересек комнату и взял бутылку.

– Не имеет значения. Ты или в поле, или лазаешь через заборы, или пытаешься починить крышу Шелбрук-Мэнора...

– Должен же кто-то это делать.

– Да, но не обязательно ты! – Томас перевел дух и продолжал: – Джиллиан может рекомендовать твои работы...

– Работы Туссена.

– ...твои работы людям, которые в состоянии обеспечить тебе карьеру. На твои картины появится спрос. Ты сможешь требовать за них сколько пожелаешь. – Томас протянул свой стакан Ричарду. – У тебя наконец будут деньги, на которые ты сможешь нанять работников починить крышу или сделать что-нибудь другое.

– Очень хорошо.

– Очень хорошо? – Томас подозрительно сощурился. – Что ты хочешь сказать этим твоим «очень хорошо»? Я и раньше предлагал подключить Джиллиан, но ты отказывался в неопределенных выражениях. Почему же ты теперь не возражаешь? Что ты задумал, Ричард?

– Ровным счетом ничего. Просто набрался ума-разума, вот и все. Ты прав: леди Джиллиан может оказать большую помощь в моих делах.

Что сказал бы Томас, узнай он, какую огромную помощь собирается оказать Ричарду его сестра, согласись тот на ее авантюру?

– Я прав? – На губах у Томаса появилась слабая улыбка. – Разумеется, прав.

– Итак. – Ричард отпил большой глоток бренди, стараясь не сравнивать его с тем прекрасным напитком, который пробовал прошлым вечером. – Расскажи мне о ней, об этой твоей сестре.

– Ну... сестра как сестра. Сам понимаешь, у тебя же есть сестры. – Томас пожал плечами. – Даже не знаю, что тебе сказать. Она очень неглупая и даже красивая... для ее возраста...

– Очень красивая.

– Упрямая и волевая, вся в Эффингтонов.

– А почему она снова не вышла замуж? – спросил Ричард таким тоном, словно не придавал этому особого значения.

Томас молча уставился в свой стакан, некоторое время размышляя над ответом.

– Видишь ли, она очень любила Чарлза. Любила с детских лет. Его гибель нанесла ей крайне болезненный удар. – Томас поднял глаза. – Джиллиан очень долго не могла прийти в себя после смерти мужа. Родители беспокоились, что она уже никогда не станет такой, как была.

– Она со временем пришла в себя, но мне кажется, стала более замкнутой и сдержанной, чем прежде.

Томас согласно кивнул.

– Невозможно угадать, что Джиллиан думает или чувствует. Во всяком случае, для меня это так. Быть может, ее друзья...

– Уэстон и Каммингс?

– Они трое, нет, четверо, включая Чарлза, можно сказать, выросли вместе. Я частенько думал, уж не в них ли причина того, что Джиллиан не выходит замуж вторично.

Ричард повращал в руке стакан с бренди, светло-янтарная жидкость обволокла стеклянные стенки.

– Как я понимаю, ее муж даже не успел стать наследником семейного состояния.

– Ей чертовски не повезло. Джиллиан заслуживала лучшей участи. Она получает помощь от семьи, но сумма эта не слишком велика. Мать мучается из-за того, что она не принимает большего. Я сам не понимаю, в чем тут дело. Джиллиан редко говорит об этом, но я подозреваю, что она предпочла бы совсем ничего не брать.

– Ясно, – негромко отозвался Ричард, припомнив пылкие рассуждения Джиллиан прошлым вечером. Быть может, она попросту тяготится милосердием родственников и как раз по этой причине так желает получить наследство американского деда.

– Мне пора уходить. – Томас взглянул на новую картину. – Я полагаю, эта вещь еще не совсем готова для того, чтобы я взял ее с собой.

– Да, она как следует высохнет только к концу недели. Тогда ты ее и заберешь. Я ожидаю, что она принесет достаточно денег, чтобы расплатиться с прислугой в Шелбрук-Мэноре за три месяца, не меньше.

– Ты мог бы также приобрести новый смокинг. – Маркиз с неодобрительной гримасой посмотрел на стакан у себя в руке. – И бутылку бренди лучшего качества.

– Кажется, ты без особых возражений пил и этот.

– Уж не обижайся, но я пил его исключительно из вежливости.

Томас прикончил напиток и поставил стакан на стол.

– Верное доказательство настоящей дружбы, – насмешливо проговорил Ричард.

Но Томас и в самом деле был его самым близким, а говоря по правде – единственным другом и соучастником заговора. Оба дружили со школьной скамьи, но редко виделись до тех пор, пока не умер отец Ричарда. После этого они возобновили знакомство и стали близки, как родные братья.

Этьен Луи Туссен появился на свет три года назад, когда Ричард бился над тем, чтобы превратить запущенное родовое имение в процветающее. Именно Томас первый предложил, чтобы Ричард попытался использовать псевдоним ради получения дохода от продажи картин, в котором в тот период времени отчаянно нуждался.

Теперь Томас переправлял полотна Ричарда поверенному, а тот в свою очередь доставлял их торговцу произведениями искусства. Оплата проделывала обратный путь тем же конспиративным способом. Оба приятеля были убеждены, что только такой засекреченный путь обеспечивает анонимность Ричарду.

– Томас, не забудь, прошу тебя, на этот раз вычесть из гонорара, который останется после уплаты комиссионных, деньги за аренду помещения.

Томас закатил глаза. Вопрос об аренде тоже вызывал между ними бесконечные споры.

– Это помещение стоило мне меньше, чем я когда-либо платил за приличную лошадь. Я могу себе позволить...

– И тем не менее я не...

– Ладно, ладно, понял.

Томас вздохнул с видом вынужденной покорности и направился к выходу.

– Ты мог бы по крайней мере позволить мне найти для тебя более приличное обиталище.

– Это меня полностью устраивает – и здесь отличный свет. К тому же, – с усмешкой добавил Ричард, – я полюбил эту, как ты выражаешься, чертову дыру. Она вполне соответствует моему образу жизни.

То была огромная комната, занимающая весь верхний этаж торгового здания в не слишком фешенебельном, но вполне приличном районе на окраине деловой части города. Она служила и студией, и домом, удовлетворяя запросы человека, живущего в одиночестве. Сестры и тетка Ричарда постоянно проживали в сельской местности, в фамильном замке Шелбрук-Мэнор, но работа требовала присутствия Ричарда в Лондоне. Семья не проявляла интереса к источникам его пока еще небольшого дохода, и Ричарда такое положение дел более чем устраивало.

Томас купил дом без ведома друга и с неизменной настойчивостью утверждал, что арендная плата за остальные помещения здания давным-давно перекрывает расходы на покупку всего дома.

– Твоя проклятая гордость в конце концов тебя погубит, Ричард.

– Увидим. – Ричард посмотрел другу в глаза. – Настанет день, когда я возмещу тебе все траты.

– Я в этом не сомневаюсь. И не сомневаюсь, что окажись ты на моем месте, то сделал бы для меня то же самое. – Томас уже открыл дверь, но внезапно повернулся к Ричарду и озабоченно спросил: – А как у тебя сейчас с финансами?

– Было бы лучше, если бы я мог работать быстрее. – Он небрежно передернул плечами с видом полной уверенности в своей правоте. – Тогда бы я получал больше, в особенности за те портреты, на которых я избегаю изображать наименее приятные черты внешности.

– Именно благодаря этому Этьен Луи добьется успеха. – Томас рассмеялся, и Ричард присоединился к нему.

Друзья обменялись еще несколькими замечаниями, и Томас отбыл.

Настроение у Ричарда мгновенно испортилось. Разумеется, продажа картин дает возможность оплачивать часть счетов, но даже при том, что цены на его полотна растут, этого недостаточно. В расстройстве чувств Ричард обеими руками взъерошил волосы. Получается, что независимо от того, чем он занимается и насколько упорно работает, у него нет сколько-нибудь значительного улучшения дел по сравнению с тем, что было год назад. Или два. Или пять. Крупная сумма денег – вот что ему необходимо, причем поступление должно быть единовременным, а не частями и со значительными перерывами, как это происходит теперь, сильно ограничивая его финансовые возможности.

Предложение Джиллиан решило бы все его проблемы, но он не может безоговорочно принять ее условия. Если они поженятся, это должен быть брак во всех смыслах слова – на меньшее он не согласен.

Ричард снял законченную картину с мольберта и бережно прислонил к стене. Джиллиан говорила, что не знает, сможет ли она кого-нибудь снова полюбить. Ричард не сомневался в своих способностях завоевать благосклонность женщины, однако слишком важные вещи для них обоих были поставлены на карту, чтобы рисковать.

Прошло немало времени с тех пор, как граф Шелбрук мог считаться покорителем сердец многих леди в Лондоне. Теперь ему для настойчивого ухаживания не доставало терпения, и не было стремления ни к чему более серьезному, нежели чисто физическое влечение, быстро вспыхивающее и столь же быстро угасающее. Но тем не менее он не утратил до сих пор искусства нежной страсти, которому был обязан в молодости своей репутацией прекрасного любовника, хотя в последние годы ему нечасто приходилось применять его.

Скандалная мысль, промелькнувшая у него в голове вчера вечером, все еще пряталась где-то в глубине сознания; то было скорее неясное намерение, и притом не слишком благочестивое. Поведи он себя как ловелас, каким был когда-то, он не просто был бы вычеркнут из

списка Джиллиан, но изменил бы ее мнение о себе как о подходящем супруге. Ричард с сожалением вздохнул. Он подозревал, что назад дороги нет – его характер слишком сильно изменился, и, по правде говоря, к себе прежнему он относился с чувством раскаяния и неприязни.

Джиллиан не была невинной девочкой, только-только со школьной скамьи; не была она и перезрелой девицей, жаждущей во что бы то ни стало выйти замуж. Она, возможно, могла бы дать согласие на подлинный брак из желания получить наследство, но при одной мысли о ее возможном нерасположении к нему Ричарда начинало мутить. Как же завоевать ее? Это требовало долгих и мучительных размышлений.

Он рассеянно выбрал из груды в углу большой загрунтованный холст и поместил его на мольберт. Ему необходим точный план, вот в чем все дело.

Лучше всего начать работать. Ничто так не помогало ему думать, как погружение в новую картину, словно сам акт творчества высвобождал более практическую часть разума для решения возникшей проблемы. Да и деньги нужны. В данный момент его наличность даже слегка не приближалась к шестистам тысячам фунтов, восьми, или сколько их там, кораблям и обширным земельным угодьям в Америке.

Ричард смотрел на чистый холст, и замысел будущей картины постепенно вырисовывался в его мозгу. Пейзажи вошли в моду, и не трудно будет продать еще один, но по какой-то необъяснимой причине сейчас Ричарду захотелось написать портрет.

И перед его мысленным взором стояло только одно лицо.

Глава 4

Настойчивый стук разносился по всему дому.

Джиллиан спускалась по парадной лестнице, одной рукой держась за перила, а другой запахивая халат. Кто в этот час ночи мог требовать, чтобы его пропустили? Она вглядывалась сквозь сумрак в круглое пятно света, отбрасываемое зажженным канделябром, который держал стоящий у двери дворецкий.

Уилкинс возился с дверными запорами и бормотал невнятные слова, которые Джиллиан никогда не была в состоянии разобрать, хоть и слышала их годами. Уилкинс был отлично вышколенным слугой и выполнял свои обязанности образцово, за исключением тех случаев, когда выходил из милости у миссис Уилкинс, поварихи Джиллиан, когда позволял себе выпить несколько лишних рюмочек хереса или был разбужен, как сейчас, среди ночи.

Дворецкий наконец-то распахнул дверь – со злостью, но не шире, чем требовалось; потом, видимо, вспомнив о своем положении, вытянулся во весь рост, чтобы посмотреть сверху вниз на того, кто имел смелость пробудить весь дом от глубокого сна. Уилкинс был мастером смотреть свысока и обретал в таких случаях надменность вопреки недостаткам фигуры. Ростом он едва доходил Джиллиан до подбородка и невероятно напоминал внешним видом толстенького заносчивого гнома.

Джиллиан остановилась на середине лестницы и подождала, чтобы узнать, понадобится ли ее вмешательство или она может вернуться в постель. Вполне могло быть, что стучался всего лишь запоздалый гуляка, перепутав двери. Уилкинс говорил негромко и совершенно благопристойно, хотя разобрать его слова Джиллиан не могла. Он отвернулся от полуоткрытой двери и посмотрел на хозяйку.

– Миледи, к вам визитер.

– Визитер? В такой час?

– Должен ли я сообщить ему, что вы не принимаете гостей? – спросил Уилкинс таким тоном, словно ему не в новинку было приветствовать ночных визитеров, будучи полуодетым и в ночном колпаке с кисточкой.

– Поскольку он стоит за дверью и слышит каждое наше слово, это будет неловко. – Джиллиан подавила зевоту и спустилась по лестнице еще на несколько ступенек. – Первым делом выясните, кто он.

– Очень хорошо, миледи, – пробурчал Уилкинс и снова повернулся к двери.

Дверь без предупреждения распахнулась во всю ширь, наградив округлую фигуру Уилкинса глухим ударом.

– Простите меня, старина. Надо следить за тем, где вы стоите. Впредь будьте осторожнее. – Шелбрук прошел мимо дворецкого и поклонился Джиллиан. – Добрый вечер.

Джиллиан в полном изумлении широко раскрыла глаза.

– Вечер миновал несколько часов назад. Скоро рассветет.

– Правда? – Ричард расплылся в улыбке и взъерошил свои и без того растрепанные волосы. – Подумать только! А я-то гадаю, что это случилось с ночью!

– Большинство из нас провели ее во сне в наших постелях, – резко заметила Джиллиан.

– В нашей... постели?

Глаза их встретились, и в одно мгновение совершенно невинные слова обрели иной смысл, который Джиллиан не собиралась в них вкладывать.

– В постелях, – поправила она.

– Именно так я и сказал.

Шелбрук взял ее руку и поднес к губам. Подбородок и щеки его покрывала щетина, и Джиллиан нашла ее прикосновение неожиданно интимным и возбуждающим.

– Нет, – возразила она чуть хриловато, не в силах отвести глаза. – Вы сказали «в постели», а я – «в постелях», во множественном числе. Каждый в своей.

– Я оговорился, извините. – Он провел губами по ее руке, и у Джиллиан перехватило дыхание. – Надеюсь, я не причинил вам беспокойство.

– Разумеется, нет.

Глаза у него были глубокие, волнующие и, казалось, притягивали к себе.

– Я все равно не могла уснуть.

– Какая жалость!

Его взгляд скользнул по телу Джиллиан чересчур дерзко. Она вдруг заметила, что халат у нее распахнулся, а тонкая ночная рубашка, надетая под ним, мало что оставляла воображению.

– Зачем вы пришли?

Джиллиан немного отступила и запахнула халат поплотнее.

– Я пришел сообщить вам свой ответ.

Шелбрук сцепил руки за спиной и направился в гостиную.

– Ваш ответ? Сейчас?

– Он у меня все время на уме, – бросил Шелбрук через плечо. – Подозреваю, что и вы не могли уснуть как раз из-за этого.

– Вовсе нет. – Господи, у этого человека недостаток денег восполняется избытком самоуверенности! Джиллиан последовала за ним. – Я, кажется, что-то не то съела за обедом. Или слишком устала, чтобы уснуть. Или матрас немного...

– Джиллиан. – Он повернулся так быстро, что она едва не столкнулась с ним. – Я очень много думал над вашим предложением.

– Ну и как? – спросила она с гулко забившимся сердцем.

– Самое большое препятствие к нашему браку заключается в ваших условиях. Брак лишь по названию – чушь, я не могу на него согласиться.

– Да, но...

– Однако, если память мне не изменяет, вы предлагали, чтобы оставшиеся два месяца мы провели, стараясь получше узнать друг друга и находясь в состоянии, так сказать, пробной помолвки...

– На самом деле я не...

– ...в надежде, что к концу этого времени вы поймете, что я не столь уж отвратителен для вас.

– Я не говорила, что вы мне отвратительны!

– Прошу прощения, я хотел сказать, что вам не будет противно делить со мной постель. Это, пожалуй, более точное выражение, не правда ли?

– Да. – Джиллиан тряхнула головой. – Нет.

– Понятно. – Он поднял брови. – Значит, вы переменили мнение и готовы стать моей женой в полном смысле слова.

– Нет! – Ричард бросил на Джиллиан вопросительный взгляд. Она нетерпеливо помотала головой. – Какая досада, милорд, вы меня совершенно сбили с толку.

– Разве? – спросил он с весьма довольным видом.

– Да, именно так.

Джиллиан отвернулась, крепко зажмурилась и прижала два пальца к точке на лбу как раз над переносицей, силясь предотвратить нежелательное сердцебиение, которое, как она знала, может начаться в любую секунду.

– У вас болит голова? – сочувственно спросил Ричард.

– Пока нет, – отрезала Джиллиан, – но, кажется, скоро заболит.

– Позвольте мне.

Ричард подошел к ней сзади и, прежде чем Джиллиан успела произнести хоть слово, легко прикоснулся к ее вискам. Она вздрогнула и открыла глаза.

– Что это вы себе...

– Я пытаюсь помочь вам, – сказал он, легонько притягивая ее к себе. – Расслабьтесь, Джиллиан. – Его пальцы делали едва ощутимые круги по ее голове. – Обещаю вам не кусаться.

– Я ничуть не боялась, что вы меня укусите, – пробормотала она, выпрямляясь, чтобы не касаться его груди.

– Жаль. – Ричард театрально вздохнул. – Было время, когда женщины опасались моих укусов, да и кое-чего еще. Очевидно, я изменился.

– Я знаю. – У него были удивительные руки. – Я знаю о вас все.

– Все?

– Все, что для меня важно.

Она слегка откинула голову, чтобы ему легче было совершать целебную процедуру.

– Вот как?

– Конечно. Я бы никогда не заговорила с мужчиной о столь важном деле, как замужество, не узнав о нем все, что могу.

Однако она не имела представления, что он может делать такие вещи, как сейчас. Глаза у Джиллиан закрылись сами собой.

– Это было бы глупо.

– М-м-м...

Джиллиан было трудно произнести осмысленную фразу. Все ее мысли словно растворялись от его прикосновений.

– Вашей голове сейчас легче?

– Угу...

Джиллиан, расслабившись, слегка прислонилась к Ричарду и отдалась поразительному ощущению, которое вызывали его пальцы.

– Я очень рад, что сумел помочь, – прозвучал у Джиллиан над ухом его негромкий голос.

Где-то в глубине сознания, в той его части, что не была затуманена приятными эмоциями, у Джиллиан возникла мысль, что голова Шелбрука очень близко склонилась к ней, что его движения довольно-таки интимны и что бывшему ловеласу, пусть и переменившемуся, ничего не стоит начать целовать ее шею, плечи или...

– Ну вот. – Ричард опустил руки и отступил так внезапно, что Джиллиан с трудом сохранила равновесие. Смутное чувство разочарования охватило ее, но она прогнала его и постаралась овладеть собой. – Теперь о нашем соглашении.

– Ах да, вы сказали, что приняли решение. – Она повернулась к нему. – И что же это...

Он отступил от нее не настолько далеко, как она предполагала, – меньше чем на шаг, и ее глаза теперь находились на уровне его рта. Красивый рот, губы полные, твердо очерченные и, вероятно, очень теплые. Это определенно рот донжуана, и не важно, изменился его обладатель или нет. Скольких женщин целовали эти губы? Покоряли их? Доставляли наслаждение?

– Джиллиан?

Намек на улыбку чуть изогнул уголки его рта, словно он угадал, о чем она сейчас думает. Джиллиан посмотрела ему прямо в глаза:

– Да?

Веселость мгновенно исчезла из его взгляда. Он смотрел на Джиллиан так, словно видел впервые, – глаза стали темными, напряженными и такими же влекущими, как и губы. Не изведанная до сих пор боль вспыхнула в ней. Она бы душу отдала ради этих глаз! Ради

того, чтобы его руки обнимали ее. Пожертвовала бы честью, чтобы почувствовать вкус его губ...

– Джиллиан?

Голос прозвучал чуть хрипло, будто Ричард понял ее желание и разделял его.

– Ричард, я... – Она запнулась. – Я...

– Я считаю, что мы, быть может, отлично подойдем друг другу как муж и жена.

– Ваша жена.

Жена Ричарда.

Жена Чарлза.

Чувство вины, сильное, мгновенное и острое, охватило Джиллиан, ударом отдалось в груди. Она задохнулась и отступила.

– Джиллиан, что...

Она обхватила себя руками, быстро повернулась и пересекла комнату, борясь с возрастающим с каждой секундой паническим страхом. Как могла она подумать о предательстве по отношению к единственному человеку, которого любила, и любила всегда? Многие мужчины добивались ее благосклонности после смерти мужа, но их попытки к сближению не встречали ни одобрения, ни поощрения с ее стороны. За все эти годы вдовства она ни разу не хотела, чтобы мужчина поцеловал ее, не ждала его прикосновений, не жаждала его объятий.

– Джиллиан?

Она глубоко вздохнула и заставила себя успокоиться, что удалось с некоторым трудом, потом улыбнулась Ричарду отчужденной улыбкой, как будто этого момента близости между ними и не было.

– Итак, милорд, каково же ваше решение?

Ричард сощурился и долгую, тягостную минуту пристально разглядывал ее. Джиллиан заставила себя выдержать этот взгляд.

– Ну что ж, хорошо. Я был бы глупцом, если бы не признал, насколько значительно это наследство улучшило бы условия моей жизни. И поэтому я хотел бы... как это лучше сказать... – Он покачал головой, обдумывая, какое выбрать выражение. – «Ухаживать», пожалуй, не вполне подходящее слово.

– Не важно, я понимаю, – быстро проговорила Джиллиан.

– И вы принимаете те единственные условия, на которых этот брак может состояться?

Джиллиан вздернула голову и твердо ответила:

– Принимаю.

– Отлично. Есть, однако, еще одно. – Он сделал паузу, как бы взвешивая то, что собирался сказать. – Если к концу отведенного нам времени мы решим, что свадьбы не будет, то вы теряете свое наследство, а я просто остаюсь ни с чем.

– Так же, как и я, – коротко заметила Джиллиан.

– Да, но вы не находитесь в таком отчаянно скверном финансовом положении, как я, не так ли? В конце концов, у вас есть богатые родственники, которые в случае необходимости придут вам на помощь.

Джиллиан почувствовала, как в ней поднимается раздражение.

– Я предпочитаю не зависеть от своей семьи.

– Это как вам угодно, но если вы можете решать, стоит ли вам воспользоваться преимуществами вашего выбора, то я со своей стороны могу впустую потратить следующие два месяца, пытаясь обольстить вас.

– Обольстить меня?

– А как бы вы это назвали?

– Я полагаю, мы сошлись на «ухаживании», – с обидой возразила Джиллиан.

– Независимо от того, как это называть, результат один: либо мы женимся и получаем наследство, либо не женимся, и тогда я остаюсь ни с чем, зря потратив время и труды.

– Надеюсь, это окажется для вас не столь уж неприятно и тягостно, – сердито сдвинув брови, отрезала Джиллиан. – Уж не хотите ли вы, чтобы я компенсировала вам потраченное время? Заплатила бы вам?

– Никоим образом, – ответил Ричард, явно оскорбившись.

Оказывается, он обиделся! Если кто и должен считать себя обиженным, так это она. Само предположение, что она собирается нанять кого-то, кто должен ее обольщать – или ухаживать за ней, какая разница? – абсурдно, грубо и...

– Я оскорблен тем, что вы могли подумать нечто подобное!

– Вы оскорблены? – изумилась Джиллиан.

– Вот именно. Если бы я был такого сорта мужчиной, который ожидает платы за то, чтобы соблазнить вас...

– Вы не будете соблазнять меня!

– ...тогда я не попал бы в ваш список и тем более не возглавил бы его, не так ли?

– Нет! То есть, разумеется, нет. Во всяком случае, я так не считаю. Ах, Боже мой, опять вы довели меня до этого!

Джиллиан принялась с силой растирать пульсирующую жилку на лбу.

Шелбрук подошел к ней.

– Вы позволите мне...

– Нет! – Джиллиан протестующим жестом выставила вперед руку. Только не хватало к волнению, вызванному его словами, присоединить одурманивающее действие его прикосновений. – Лучше скажите мне, чего вы хотите?

– Очень хорошо. – Ричард некоторое время помолчал. – Поскольку вы заявили, что постарались узнать обо мне как можно больше, то, вероятно, осведомлены, что я – единственная опора четырех сестер. Все они, за исключением одной, находятся в брачном возрасте, а старшей следовало бы уже давным-давно выйти замуж. Это моя вина, однако денег на приданое не было. В деревне к тому же очень мало подходящих претендентов. – Он глубоко вздохнул. – Я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы позволили старшей из сестер – ее зовут Эммой – пожить у вас некоторое время.

– Ричард, я не смогу оплатить расходы на сезон для молодой женщины, – подавленно произнесла Джиллиан.

– Я и не прошу вас об этом, – поспешил он заверить ее. – Но если вы согласитесь сопровождать ее, обеспечивать приглашения на те приемы, на которых бываете сами, и позволите ей присутствовать на ваших собственных вечерах, это сослужит добрую службу. Даст Бог, она найдет кого-нибудь. Эмма вполне привлекательна и весьма неглупа.

– Но если мы с вами так и не поженимся, как же быть с приданым?

– Что-нибудь придумаю, – пожав плечами, сказал Ричард. – Я изобретателен.

В сущности, он просил немногого, особенно если учесть, чего требовала от него она. По линии Эффингтонов Джиллиан обладала множеством родственников, но родных сестер у нее не было, только двоюродные, и обзавестись кем-то вроде младшей сестры, пусть и ненадолго, было бы приятно.

– Я с удовольствием приму к себе вашу сестру.

– Благодарю вас. – Он взял ее руку в свои ладони. – Независимо от того, чем завершится наша сделка, я буду вечно вам признателен.

– Вы намерены поцеловать меня? – спросила Джиллиан неуверенно, сама удивляясь своему волнению.

– Не только намерен, но и хочу целовать вас. Лучшего способа скрепить наше соглашение и быть не может. Но не сегодня.

– Как угодно. – Джиллиан медленно и спокойно высвободила руку: ей не хотелось, чтобы Ричард объяснил этот ее жест чувством облегчения или, наоборот, разочарования.

Уголки его губ дрогнули, словно он догадался о ее чувствах и старался сдерживать улыбку.

– Я собираюсь в деревню в конце этой недели, – сказал он, направляясь к двери. – Когда вернусь, привезу с собой Эмму.

– Долго вы там пробудете? – поинтересовалась Джиллиан, следуя за ним.

– А вам уже меня недостает?

– Не говорите чепухи. Я просто не знаю, как мы будем преуспевать с этим вашим...

– Обольщением?

– Ухаживанием, – твердо произнесла она, – если вас здесь не будет.

– Я уеду не больше чем на день или два. Кстати, вы, наверное, будете на маскараде у леди Форестер?

Джиллиан невольно рассмеялась:

– Я и помыслить не могу пропустить хоть один из ее маскарадов! Никогда в точности не знаешь, кого или что там разоблачат. Вы тоже поедете?

– Только если встречу там вас. – Шелбрук кивнул. – До встречи.

Он повернулся и, прежде чем Джиллиан успела вымолвить хоть слово, вышел из комнаты. Вслед за тем, как с громким стуком захлопнулась входная дверь, Джиллиан услышала негромкие голоса. Минуту спустя на пороге возник Уилкинс.

– Это все, миледи, или вы ждете еще гостей? Если так, я с вашего соизволения разбужу миссис Уилкинс, и она, если нужно, приготовит закуску.

Чересчур вежливый тон подчеркивал саркастический оттенок короткой речи дворецкого. Джиллиан ответила ему в соответствующем тоне:

– Нет, благодарю вас, это можно отложить до следующего раза.

– Прекрасно.

Уилкинс пренебрежительным фырканьем выразил свое неодобрение по поводу происшедшего и удалился с высокомерным видом, каковой разительно не соответствовал его ночному колпаку. Джиллиан глубоко вздохнула и опустилась на мягкий диван. Вероятно, она должна была бы почувствовать облегчение от того, что Шелбрук принял ее предложение, но пока не могла толком осознать, чем это чревато.

Сможет ли она стать ему настоящей женой? Делить с ним жизнь? Постель? Иметь от него детей?

Джиллиан встала и принялась ходить по комнате. Пожалуй, стоило бы выбрать из списка кого-нибудь другого. Пусть не такого привлекательного, не способного прикосновением рук довести ее до состояния полной расслабленности или подчинить ее волю одним только пристальным взглядом. Такого, кто принял бы тот вариант брака, какой она предлагала изначально, получил бы за это половину ее состояния и был бы более чем счастлив.

А как же ее счастье?

Этот вопрос поставил Джиллиан в тупик – мысль о собственном счастье не приходила ей в голову. Как она может быть счастлива без Чарлза? Любая возможность стать счастливой умерла вместе с ним восемь долгих лет назад. Ни один мужчина не завладеет больше ее сердцем – никогда, никогда! Она этого не допустит. Она не в состоянии полюбить другого.

Любовь? Странная мысль. Любовь не играет никакой роли в ее соглашении с Ричардом. Это чистой воды сделка, и не более того. Многие ее друзья и подруги вступали в брак без любви, и большинство этих браков оказались вполне благополучными. И она должна поступить так же.

Джиллиан гнала от себя беспокойную мысль о том, что делить с Ричардом постель, видимо, не столь уж неприятно. Она всегда считала, что ни с одним мужчиной у нее не

может быть такой волшебной близости, какая была с Чарлзом. Однако сегодняшней ночью был момент, когда она хотела... чего? Джиллиан обхватила себя руками за плечи, словно ей стало холодно.

То, что произошло нынче ночью, было, само собой, продиктовано не более чем желанием сделать отношения между ними приемлемыми. Ведь она старалась убедить себя, что может стать Ричарду такой женой, какую он хочет, верно? Старалась пробудить в себе чувство привязанности. Именно здесь следует искать ответ.

И снова ее охватило чувство вины. Нет! Почти неудержимое желание, которое она испытывала в присутствии Ричарда, было следствием ее многолетнего одиночества, не более того. Она может выйти за него и выполнять супружеские обязанности, однако никогда не пожелает ни одного мужчину так, как Чарлза.

Ричард разглядывал миниатюрный портрет на мольберте. В прошлом он пробовал рисовать миниатюры, так как они дорого оплачивались, но в конце концов пришел к выводу, что эта работа требует скорее технического мастерства, нежели подлинного искусства. Такие приемы больше подходят женщинам, привычным к хитросплетениям вязания на спицах и рисованию акварелью, чем серьезным художникам. Ричард порой задумывался над тем, не обязан ли он таким пренебрежением к миниатюре собственному неприятию кропотливой работы, но тем не менее предпочитал писать крупными мазками.

Миниатюра – подходящий жанр, если работу требуется выполнить поскорее, а именно так обстояло дело в данном случае. Ричард провел за мольбертом большую часть ночи, а последующий затем визит к Джиллиан позволил ему завершить портрет.

Голубые, словно лед, глаза смотрели на него. Нет, не такие, холодные как лед, – скорее, отчужденные и сдержанные. Если глаза и в самом деле зеркало души, то душа Джиллиан закрыта для постороннего вторжения. Показалось ему или и вправду нынче ночью было мгновение – всего лишь мгновение, – когда душа ее приоткрылась?

Ричард рассеянно потер подбородок и откинулся назад, механически опершись для равновесия на не слишком надежный табурет, снова сосредоточив все внимание на крошечном портрете. Он не мог бы объяснить, почему придал ее глазам этот оттенок ледяной голубизны. Очевидно, гордость заставила его сделать это. Он не собирался брать в жены женщину, которой был бы нужен лишь для того, чтобы добиться практической цели. Нет, он хотел, чтобы жена испытывала желание, жаждала поцелуев, томилась по его ласкам. Не столь уж велика цена в обмен на всю его жизнь.

Испытывала ли Джиллиан подобное желание хоть раз за долгие годы после смерти мужа? Ричард не помнил никаких сплетен насчет нее и какого-то мужчины. Или мужчин. И Томас наверняка упомянул бы о любовных связях сестры.

Неужели никто не делил с ней ложе, кроме мужа? У Ричарда стеснило грудь – он, пожалуй, знал ответ на этот вопрос. Черт возьми, эта женщина почти девственна! Он терпеть не мог девственниц и никогда ни с одной из них не вступал в связь. С ними необходимо соблюдать исключительную деликатность как в постели, так и в любом другом отношении. Ричард предпочитал женщин опытных.

Само собой разумеется, в обычном, житейском смысле слова Джиллиан не девственница, а вдова. Но, опять-таки в чисто практическом смысле, существует ли значительная разница между невинной девушкой и женщиной, которая не была в близких отношениях с мужчиной почти десять лет?

Улыбка играла на лице у той, на кого он сейчас смотрел, как если бы сам портрет забавляла эта дилемма. Он мог бы изобразить ее такой, но это не соответствовало действительности. Ричард не сомневался, что Джиллиан не находит ничего смешного в создавшейся ситуации. Быть может, и ее гордость задета тем, что она вынуждена выходить замуж по

финансовым соображениям? Он до сих пор не понимал, почему она так стремится получить это наследство, хотя вряд ли бы стал осуждать ее за отказ лишиться подобного состояния.

Ричард снова взглянул на портрет. Эту работу следовало бы считать пустым времяпрепровождением. Наверное, стоило потратить время на нечто более выгодное, но по некой абсурдной причине – или по шести сотням тысяч причин, ни одну из которых нельзя назвать абсурдной, – лицо Джиллиан оставалось в его воображении, заслонив собой любой другой сюжет, какой он мог бы перенести на полотно.

Может, подарить ей эту миниатюру? Скрепить их соглашение памятным подарком. Абсурдная мысль! Откуда у графа Шелбрука деньги на такой дорогой подарок?

Нет, это невозможно. Такой поступок в высшей степени возбудил бы ее любопытство. Однако соблазнительно до крайности. Ричарду понравилась оценка его работы Джиллиан.

Ричард осторожно, держа за самые края, снял медальон с мольберта и взгляделся в него. Почему бы не отдать его Джиллиан? Не напрямую, разумеется. Попросить Томаса, объяснив другу, что написал портрет в знак признательности за доброе мнение о его пейзаже. Нет, Томас этому ни за что не поверит. Задаст не меньше вопросов, чем его сестра. Что за семейка! Любопытство у них в крови.

А почему бы миниатюру не мог послать сам Этьен Луи Туссен?

В самом деле, почему? Пусть даже произведения самых модных художников никогда не продавались иначе как через посредников, это еще не резон, чтобы Туссен не мог послать Джиллиан миниатюру без участия агента или какой-либо галереи. В конце концов, она похвалила его работу, а ее слово, несомненно, принесет пользу его карьере художника. Что может быть более приемлемо для выражения благодарности? В этом случае нет ничего лучше подобного подарка на память. Простой жест вежливости.

Ричард усмехнулся, но подавил желание рассмеяться и вместо этого зевнул. Он понимал, что та же самая гордость, из-за которой он не хотел незамедлительно дать Джиллиан согласие на брак, подтолкнула его сделать ей такой подарок. Гордость – это единственное, чего он не утратил вместе со своим состоянием. Вероятно, в один прекрасный день она послужит причиной его гибели.

Он улыбнулся портрету, который все еще держал в руке. В один прекрасный день – возможно. Но если повезет, то не сегодня.

Глава 5

– Греческая муза. Меньшего я и не ожидал.

Высокий джентльмен в маске склонился перед ней в глубоком поклоне.

– Вот как, милорд? – Джиллиан протянула руку с достоинством, хотя у нее сильно заби-лось сердце. Голос Ричарда она узнала бы где угодно, даже в суете многолюдного костюми-рованного бала у леди Форестер. – Вы говорите, муза?

– Совершенно верно, – ответил джентльмен, беря ее руку и поднося к губам.

– Всего лишь муза? – продолжала Джиллиан неожиданным для себя самой кокетливым тоном. – Почему не богиня?

– Богиня повелевает. – Он отпустил ее руку. Глаза блеснули в прорезях маски, и он долго смотрел на Джиллиан. На ней было простое платье в греческом стиле, опоясанное по талии золотым шнуром и заколотое на плечах позолоченными булавками. Волосы собраны в высокую прическу и перевиты золотой лентой. В этом самом платье она появлялась здесь в прошлом и позапрошлом году, но испытующему взгляду Шелбрука оно казалось совершенно новым и особенным. – А муза вдохновляет.

– И я вдохновляю? – с вызовом запрокинув голову, спросила она.

– Даже очень.

Джиллиан задержала дыхание. Сегодня ее уже второй раз называли вдохновительни-цей. Ответить Ричарду она не успела.

– Добрый вечер, лорд Шелбрук, – произнес Робин, возникая рядом с Джиллиан.

– Лорд Шелбрук, – кивнув, сказал Кит, возникая с другой стороны от нее.

Господи, она совершенно забыла о Робине и Ките! Оба сопровождали ее нынче вече-ром, как почти на любой прием в течение последних лет, но сейчас Джиллиан впервые пожа-лела, что не приехала на бал одна.

– Лорд Уэстон, лорд Каммингс, – в свою очередь, проговорил Ричард.

Далее последовало довольно продолжительное молчание. Мужчины присматривались друг к другу и, как бы готовясь к смертельной битве, взвешивали преимущества и слабости противника. При других обстоятельствах все это выглядело бы попросту комично: Робин был одет в форму римского солдата, Кит – в костюм французского мушкетера, а Ричард появился на балу в том же одеянии, в каком присутствовал в салоне Джиллиан. Верхнюю часть лица у всех троих закрывала черная полумаска – *de rigueur*⁵ для гостей-мужчин на ежегодных маскарадах у леди Форестер.

Джиллиан чуть слышно застонала. Таким образом, вечер, как она и предполагала, пошел вкривь и вкось. В последние дни она старалась избегать Робина и Кита – с того вечера, как рассказала им о своем намерении выйти замуж за Ричарда, – однако каждый из них считал нужным нанести ей отдельный визит в тщетном стремлении убедить ее в ошибочности предпринимаемого шага. В данную минуту их неодобрение выражалось хоть и молча, но совершенно очевидно.

– Любопытный выбор костюма, милорд, – заговорил наконец Кит. – Кого именно вы намеревались изобразить?

– Кого именно? – переспросил Ричард и, широко раскинув руки, оглядел собственный костюм сверху донизу: нельзя было сказать, что платье его выглядело поношенным, но явно знавало лучшие дни. – Да разве это не очевидно? Я изображаю обнищавшего графа, задумавшего жениться на богатой наследнице.

Джиллиан прерывисто вздохнула.

⁵ Здесь в значении: неукоснительное правило (фр.).

Робин сощурился, а Кит, напротив, широко раскрыл глаза.

Ричард расхохотался.

Быть может, Джиллиан поразил самый звук его смеха, естественного и непринужденного. Или выражение лиц двух ее близких друзей. Или то мгновение, когда глаза Ричарда встретились с ее глазами и Джиллиан явственно увидела, что он ей подмигнул. Сознание абсурдности происходящего прямо-таки забурлило в ней, и она присоединилась к смеху Шелбрука.

– Это вовсе не смешно, – с достоинством произнес Робин.

– Ни в малейшей степени, – поддержал друга Кит, сдвинув брови.

– Разумеется, смешно. Пожалуй, в истории еще не бывало легионера, столь изумленного, и мушкетера, до такой степени растерянного. – Джиллиан понизила голос и наклонилась к своим друзьям. – И я должна сказать, что вы оба того заслуживаете. С того самого момента, как я посвятила вас в свою тайну, вы обращаетесь со мной так, словно в голове у меня нет ни капли мозгов. Я устала от этого. Мне начинает казаться, что я и в самом деле приняла глупое решение...

– Джиллиан, – перебил ее Робин, – мы никогда...

– Позволю себе заметить, что ты не нуждаешься... – вмешался Кит, не дав приятелю договорить.

– ...и оно заключалось в том, что я доверилась вам обоим! – закончила Джиллиан и, повернувшись к Ричарду, одарила его сияющей улыбкой. – Милорд, здесь очень жарко и душно, и я попросила бы вас сопроводить меня туда, где можно глотнуть свежего воздуха.

– Всегда к вашим услугам. – Ричард взял ее под руку. – Всего хорошего, джентльмены.

Джиллиан небрежно кивнула и рядом с Ричардом стала пробираться сквозь толпу гостей, прочь от вытаращившего глаза римлянина и разинувшего рот мушкетера.

– Простите, Джиллиан. – Ричард ближе наклонился к ней, чтобы она услышала его слова среди шума маскарада. – Я просто не мог удержаться. Они держались такими рьяными защитниками вашей чести и взирали на меня с таким осуждением... О Боже! – Он остановился и уставился на нее. – Выходит, они узнали? Узнали о вашем наследстве?

– Я сказала им, – со вздохом отозвалась Джиллиан. – Но помочь они не в состоянии.

– Неужели? – Ричард поднял брови. – Меня весьма удивляет, что ни тот ни другой не предложил вам выйти за него замуж.

– Они предлагали.

– Ах вот как?

Он снова взял Джиллиан под руку, и они направились к двери в дальнем конце комнаты.

Было совершенно бессмысленно пытаться что-то объяснить ему здесь. К тому же она вовсе не хотела, чтобы весь Лондон узнал из неуместно громкого разговора о их с Шелбруком соглашении. Джиллиан уже заметила несколько любопытных взглядов, брошенных в их сторону. Все привыкли постоянно видеть ее только в сопровождении Робина и Кита, а Ричарда обычно воспринимали как некую безмолвную фигуру, не принимающую участия в великосветской жизни.

Они прошли через бальный зал, битком набитый веселящейся публикой в самых разнообразных костюмах, от изысканных до смехотворных, обогнули площадку для танцев и направились к распахнутой двери, через которую праздничная толпа переливалась на пышно разукрашенную террасу.

Дом леди Форестер был отлично приспособлен для грандиозных развлечений. Хозяйка обставляла свои званые вечера с поистине театральной изобретательностью – даже за пределами самого дома. Легкие фонарики, словно бы танцуя от малейших дуновений ветерка, указывали дорогу в сад, к тем укромным уголкам, которых искали гости, жаждущие уеди-

ниться. Огромные вазы были полны цветов, а балюстрады украшены гирляндами из лент. Повсюду сновали облаченные в домино слуги, предлагая освежающие напитки.

Присутствующие должны были соответствовать обстановке. Хозяйка просила – более того, требовала, – чтобы мужчины надевали маски. Правила для женщин были, правда, менее строгими: они должны иметь маску при себе, но надевать ее не обязательно. Маска Джиллиан висела на шнурке у нее на запястье.

– Здесь такая же толкотня, – оглядевшись, заметил Ричард. – Идемте сюда.

Он проводил Джиллиан к лестнице, ведущей в сад. Вымощенная камнем дорожка окружала большой пруд с негромко журчащим посередине фонтаном. Узкие тропинки ответвлялись от круговой дорожки на точно отмеренных расстояниях. Мраморные статуи – большие, значительно больше человеческого роста – возвышались повсюду словно безмолвные белые стражи. У первого поворота стояла каменная скамья, заслоненная огромной скульптурой ровно настолько, чтобы создавать ощущение уединенности, но не обстановку для тайного свидания.

– Как вы считаете, кто-нибудь заметит нас здесь?

– Я считаю, что любой заметит нас двоих где угодно. Особенно когда мы гуляем по саду. А сад леди Форестер пользуется чудовищной репутацией. – Джиллиан улыбнулась и прислонилась спиной к статуе. – Ходят слухи, что любые виды амурных деяний имели здесь место.

– Нужно ли мне опасаться испортить вашу репутацию?

– У меня нет никакой особой репутации. Во всяком случае, такой, как у некоторых женщин, чьи имена я могла бы назвать.

– А почему нет?

– Почему? – Она посмотрела на него с недоверием. – Право, Ричард, вы задаете большей частью неожиданные вопросы.

– Я просто стараюсь побольше узнать о вас, – возразил он, пожав плечами. – Вы очень красивая женщина, много времени проводите в окружении художников и писателей. Странно, почему вы до сих пор не поддались обаянию удачно построенной фразы или соблазнительного мазка кисти?

– Соблазнительного мазка кисти? – Джиллиан рассмеялась. – Вы и в самом деле знаете, как удачно строить фразу.

– Всего лишь делаю попытки, – улыбнулся Ричард. – Но я с трудом могу поверить, что ни один поэт не написал ни строчки о звездах ваших глаз...

– Быть может, «Оду к Джиллиан»?

– ...и ни один художник не пробовал запечатлеть вашу душу на полотне.

– На полотне? – Как странно, что он упомянул об этом. Как раз сегодня она получила свой миниатюрный портрет от французского художника, пейзаж которого так восхитил ее. Она собиралась принести миниатюру с собой сегодня вечером, показать ее Ричарду и узнать его мнение. Во всяком случае, им было бы о чем поговорить, кроме как о самих себе, однако в последнюю минуту Джиллиан передумала. В крошечном изображении было нечто, тронувшее ее до глубины души. Чувство – пожалуй, она была в этом почти уверена. И кроме того, Джиллиан не могла предвидеть реакции Ричарда. Он кажется необыкновенно проницательным. У нее еще будет время показать ему миниатюру попозже. – Не говорите чепухи.

– Итак, нет ни художников, – произнес он беспечно, – ни поэтов...

– Нет.

– Ни композиторов, ни политиков...

– Нет. Ричард...

– Ни мясников, ни булочников...

– Нет! Никого! Честное слово, Ричард. – Джиллиан подавила досадливый вздох. – У меня нет... то есть я хотела сказать...

– У вас нет репутации.

– Вот именно! – выпалила она сердито. – Вы удовлетворены?

– Более чем. Хотя... – он покачал головой в комическом отчаянии, – нам стоило бы подумать и о моей репутации.

– О вашей?

– Раньше она у меня была, как вы знаете, – напомнил он. – К тому же весьма впечатляющая. Но посмотрите на меня теперь! Я нахожусь в пользующемся дурной репутацией саду наедине с женщиной безо всякой репутации, и ни у кого не возникнет по этому поводу задней мысли, так как все считают, что я изменился. Человек чести, открывающий ваш список женихов! Я прямо-таки слышу шепот: «С ним она в безопасности». – В голосе Ричарда прозвучала грустная нота. – К какому печальному итогу я пришел!

– Напротив, дела не так плохи. Ведь сегодня вечером вы громко смеялись и, так сказать, вышли из тени на свет. Уверяю вас, что все и каждый на балу в эти самые минуты сплетничают о нас.

– Вы так думаете? – с надеждой спросил он.

Джиллиан подавила смех и кивнула с вполне серьезным видом:

– Да, именно так я и думаю.

– В таком случае мне больше нечего терять. – Игривые интонации в его голосе исчезли. – И я больше не намерен терпеть это положение вещей, черт побери! Ни единой минуты.

Джиллиан почувствовала неловкость.

– Ричард, что вы собираетесь...

Быстрым движением он сорвал с себя маску с таким видом, словно сбежал из тюрьмы и наконец почувствовал себя в безопасности, убрал волосы со лба и, подставив лицо свежему ветерку, жадно вдохнул ночной воздух.

– Так гораздо лучше. Терпеть не могу маски – не выношу, когда что-то давит мне на лицо. – Его передернуло. – Как вам кажется, леди Форестер выгонит меня за то, что я снял маску?

Джиллиан, прищурившись, сделала вид, будто обдумывает создавшееся положение.

– Вероятно. Ведь это непростительное нарушение правил! Я слышала, как она говорила, что для нее нет ничего более привлекательного, чем загадочный мужчина.

– Отсюда и ее пристрастие к сокровенным тайнам.

– А также ко многому другому. – Джиллиан улыбнулась и покачала головой. – Она, вероятно, права. Что может быть более загадочным и интригующим, нежели мужчина, у которого есть свои секреты? Или мужчина в маске, неузнаваемый? Он может оказаться кем угодно! Нищим, принцем или...

– Он может быть попросту опасным.

– На мой взгляд, это только усиливает впечатление, – небрежно пожав плечами, возразила Джиллиан.

Ричард поставил ногу на скамейку, оперся локтем на колено и сжал руки.

– Неужели для женщин типично испытывать подобный интерес?

– Леди Форестер не относится к разряду типичных женщин.

– И вы тоже. – Ричард посмотрел на нее очень внимательно. – Хотелось бы вам встретиться с таким мужчиной?

– Мне? Я никогда не задумывалась над этим. Разумеется, я могу понять... – А в самом деле, хотела бы она чего-то подобного? Общения с загадочным незнакомцем с кучей секре-

тов. Опасным и неотразимым. У нее никогда не было такой возможности. Джиллиан снова покачала головой: – Конечно, нет.

– Вы предпочитаете узнать о мужчине все, что можно, прежде чем заговорить с ним о браке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.